

с Мария
ВЫСОЦКАЯ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПРИНЦЕССА для Асиги

Мария Высоцкая

Принцесса для Аспида

Серия «Законы безумия», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67460004

SelfPub; 2022

Аннотация

Быть брошенной парнем в собственный день рождения? Легко! Напороться на хамство официанта? Никаких проблем. Влюбиться в этого зарвавшегося гада с первого взгляда? Проще простого. Попасть с ним в полицию, а потом краснеть перед отцом? Могу, умею, практикую.

Только вот официант совсем на официант, а хоккеист. Наглый и с тяжелым характером. Я в его глазах – всего лишь инфантильная мажорка, чувства которой ничего не стоят. Он меня на дух не переносит, а я с ума схожу, когда он рядом.

Цель поставлена: влюбить в себя, любыми путями.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	58
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мария Высоцкая

Принцесса для Аспида

Глава 1

Тея

Я явно не так представляла себе свое восемнадцатилетие. Абсолютно не так. Юлик оказался настоящим козлом! Это еще нужно додуматься, бросить меня в день рождения. Привезти подарок, а вместе с ним, наплести какой-то чуши о том, насколько мы разные люди. Два года были одинаковые, а тут вдруг, совсем друг другу не подходим.

Кажется, я была круглой душой, когда летала на все его игры, вымаливала у отца билеты, ругалась с мамой из-за того, что она не хотела меня отпускать... Все это было пустым, как мой бокал. Смотрю на прозрачное стекло, где еще минуту назад плескалось шампанское, и подхожу к столику, наливая газированный напиток в длинноногий фужер.

Вокруг так много гостей, все такие красивые, счастливые, на их лицах улыбки, все они желают мне счастья, а я... я хочу спрятаться. Уйти отсюда как можно дальше, потому что не хочу праздновать. Ничего не хочу. Пусть этот день уже поскорее закончится.

Оглядываясь и трусливым волчонком иду вглубь сада, к небольшой беседке, она оплетена цветущим вьюном и скрыта от непрошенных глаз. У самой арки, которая и является входом в мое маленькое убежище, телесный капрон цепля-

ется за шипы растущего рядом куста роз, и стрелка расползается до колена.

– Блин, – ставлю бокал на столик, сгибая ногу, – ну почему? Кто вообще носит их в июне? – накрываю лоб ладонью, а после задираю юбку, стаскивая с себя колготки.

– Главное – дальше не раздевайся, а то получится неудобно, – чужой голос раздается позади, и я резко оборачиваюсь, – хотя-я-я...

Стою с задранной юбкой своего белоснежного платья и чувствую, как истерично дергается мой глаз.

– ...и стыдно, – продолжает, – но это в основном тебе, – обладатель голоса выходит из тени, и я вижу перед собой абсолютно незнакомого для себя парня. Он высокий, с немного растрепанной укладкой русых волос, острым подбородком и четко очерченными треугольниками верхней губы. Его лицо не кажется грубым, нет, но эта угловатость добавляет ему какой-то загадки. Сглатываю, оттягивая подол вниз, продолжая хаотично рассматривать его лицо.

– Не переживай, я никому не расскажу, – он дерзко улыбается и достает пачку сигарет, зажав одну зубами, щелкает зажигалкой.

Я все еще не шевелюсь, у меня натуральный шок, кажется, сегодня все идет не по плану от слова совсем. А еще мне до жути неудобно, только я могла с такой легкостью встрять в такую абсурдную ситуацию с платьем и колготками. Хотя он мог бы дать знак о своем присутствии гораздо раньше, чем

я тут опозорилась, но какая теперь разница?

– У нас не курят, – задираю подбородок, презрительно смотря на него снизу вверх. Он приближается, и оказывается, что наша с ним разница в росте значительна. Я дохожу ему до плеча, и мне приходится слегка запрокидывать голову, чтобы смотреть не только на его щетинистый подбородок.

– Твое мнение должно для меня что-то значить? – потирает свою широкую бровь большим пальцем.

– Вообще-то я хозяйка этого дома, – прищуриваюсь, а саму трясет от злости, так и хочется расцарапать его самодовольную физиономию.

– Да? Как-то маловата для хозяйки, – он усмехается, а глаза стремительно касаются моей груди, – маловата, – выдыхает очередную порцию дыма, и я начинаю кашлять.

– Идиот, – закусываю внутренние стороны щек, и лицо вмиг становится визуально уже.

Пока я поедаю саму себя, он не прекращает лапать меня глазами. У него очень внимательный и цепкий взгляд. Синий, такой насыщенный и глубокий цвет радужки, а еще темные длинные ресницы, они придают ему выразительности, но вместе с тем надменности. Превосходства.

Он так и смотрит на меня сверху вниз, в переносном смысле. словно не я виновница торжества, королева праздника и хозяйка дома, а он. Будто бы это я случайно попала к нему в гости, а он не слишком рад меня видеть.

– Что ты вообще тут делаешь? Я тебя не знаю, – отсту-

паю и только сейчас замечаю, во что он одет. Униформа официанта, обслуживающего банкет. То есть он... Какая наглость. – Я не собираюсь слушать гадости еще и от тебя, – вытягиваю шею, пытаюсь выглядеть воинственно, – считай, что на этом твоя работа здесь закончилась.

Он лишь приподымает бровь. Без слов и каких-либо других эмоций. Просто бровь!

– Ладно, – пожимает плечами и тушит сотлевшую сигарету о внутреннюю поверхность деревянного столика. – Кстати, кружево тебе к лицу, точнее, – опять эта гадкая усмешка, – к другому месту.

– Что? – подаюсь вперед, сама не знаю для чего, хочу толкнуть, ударить, что угодно, но только бы его дурацкая улыбка исчезла. Но хуже этим я делаю лишь себе. Моя рука задевает бокал розового игристого, которое я поставила на столик в центре беседки, и он полностью выливается на мое платье. Белое платье.

Я стою, немного разведя руки в разные стороны, и смотрю на это огромное пятно, оно начинается на уровне пупка и смело расползается до самого края подола.

– Что ты наделал? – срываюсь на визг, кажется, у меня закладывает уши от собственного ора. – Это же... это, ты все испортил, – толкаю его в грудь, – зачем ты сюда пришел? Вы все испортили мой праздник.

Всхлипнув, вновьставляю руки вперед, но он оперативно окольцовывает мои запястья и тянет вниз.

– Совсем больная?

И смотрит, будто на самом деле так думает, думает, что я поехавшая.

– Я тебе ничего не делал, – голос становится резче и грубее.

– Конечно, все вы ничего не делали, – вырываюсь из захвата и, круто развернувшись на своих высоченных каблуках, направляюсь в сторону дома. Пока вышагиваю по дорожке, растираю по лицу слезы своего негодования. Бешусь оттого, что все трещит по швам, портится. Я так ждала сегодняшний день, а сейчас, сейчас хочу, чтобы все закончилось. Хочу спрятаться в спальне и никогда оттуда не выходить.

Обняв себя руками, подхожу к дому, где меня перехватывает мама.

– Тея, – касается моего локтя, и я останавливаюсь, – ты куда пропа... Ты что, плачешь? Доченька?

Мама тянет мой подбородок вверх и качает головой.

– Что случилось?

– Ничего, – уже не сдерживаю слезы, а мамин взгляд скользит по моему платью.

– Ты из-за пятна? Тея, что за мелочь.

– Нет, не из-за него, – всхлипываю и обнимаю маму, почти бросаясь в ее объятия, чувствую, как ее ладони гладят меня по спине, и медленно успокаиваюсь.

– Пойдем в комнату. Пошли? Все мне расскажешь.

Часто киваю и, еле перебирая ногами, иду за ней следом.

В спальне мамуля помогает мне стащить этот дурацкий кусок испорченной ткани и кидает его в корзину для белья.

— Что произошло? — подает мне халат, в который я закутываюсь тут же.

— Юлик меня бросил.

— Когда?

— Сегодня. Полчаса назад. Мам, ну за что он так со мной? — опять начинаю рыдать, чувствуя головную боль.

Мама вздыхает и садится на кровать, утягивая меня за собой.

— Ну и дурак твой Юлик, еще не раз пожалеет, что ушел от такой замечательной девочки, — мамины ладони обхватывают мои щеки, — не плачь, ты же так ждала этот день. Папа там уже не дождется, когда подарок подарит, — стирает мои слезинки.

— Правда? — шмыгаю носом, слегка прихрюкнув.

— Правда. Давай найдем новое платье и пойдем к гостям?

— Хорошо, — киваю, глубоко вдохнув. — А можно я возьму твое? Новое, черное.

— Конечно можно, я сейчас тебе его принесу.

Мама уходит, а я нерасторопно двигаюсь к туалетному столику, чтобы подправить макияж. Хотя, на удивление, он почти не испортился. Не так давно я увлеклась мейкапом, даже брала курс, как оказалось, у меня есть к этому способности.

Подкрасив губы, выглядываю в окно, вновь напарываясь

глазами на этого гада. Того самого, с которым я встретила-
сь в беседке. Он проворно шныряет между людьми с подносом,
но делает это с таким видом, будто все это – огромное одол-
жение, ну или так мне просто кажется.

Когда дверь в спальню открывается и мамуля приносит
платье, я широко улыбаюсь, думая о том, что она права. Нуж-
но насладиться вечером, а не страдать из-за одного идиота.

Втиснувшись в это нереально удобное и красивое по-
лупрозрачное черное платье, проворачиваюсь вокруг своей
оси, наблюдая в зеркало, как струится шелк, украшенный
кружевными вставками с цветочным узором и фестончаты-
ми краями.

– Мама, я даже стесняюсь спросить, тебе зачем такое пла-
тье? – смеюсь, рассматривая черные гладкие шорты с завы-
шенной талией и бесшовный топ, который пристрочен к ос-
новной части платья из полупрозрачного материала.

– Понравилось, – мамуля закидывает ногу на ногу, пожи-
мая плечами.

– А папа меня не убьет, если я так выйду?

– Не думаю. Вот если бы так вышла я... – мамуля смеется
и поднимается с кровати. – Давай я подправлю тебе локоны
и пойдем вниз.

Я киваю, и после нескольких манипуляций маминых паль-
цев с лаком для волос мы спускаемся в гостиную, где но-
сится Ник, которого Герда Брониславовна мгновенно хвата-
ет за руку, иначе это сокровище либо расшибет себе лоб, ли-

бо разделяется с гостиной.

– Ты почему один? Папа где?

– Там он, – брат пытается вырвать руку из маминого захвата, – говорит.

– Прекрати носиться.

– Я чуть-чуть.

– Ой, пусть бегает, все равно не угомоним, – сжимаю мамулину ладонь и тяну ее в сад к гостям.

Первые несколько минут чувствую себя неуютно, все же я слишком погорячилась, надев это платье, хотя скованность проходит быстро, а когда в зоне моей видимости появляется Поля, которую я не видела с зимы, все проблемы уходят на второй план.

– Поли, – торопливо перебирая ногами, мы идем на встречу друг другу.

– Тея!

Подружка вручает мне ярко-красную коробку и целует в обе щеки.

– Я так рада, что ты прилетела.

– Я спешила как могла. Боже, какое платье, – подмигивает, – Юлик еще не повесился на сосне от ревности. А, кстати, где он?

– Мы расстались.

– Что?

– Да, причем сегодня. Оказалось, он меня разлюбил, – наигранно вздыхаю, а после начинаю ржать.

– Вот урод.

– Это еще мягко сказано.

– Тея! – слышу папин голос и быстрее пули несусь туда.

Отец приобнимает меня, пробегает глазами по платью и переводит взгляд на маму, которая пожимает плечами, улыбаясь своей ярко-красной улыбкой.

– Доченька, – решает проигнорировать наш с мамой конфуз, – мы хотим поздравить тебя с днем рождения.

Вокруг собирается толпа приглашенных гостей, и все с блеском в глазах слушают отца.

Папа желает мне так много всего и говорит столько щемящих сердцу слов, что в какой-то момент я начинаю плакать, ощущая, как крепко он сжимает мою ладонь.

– ...мы с мамой посоветовались и решили...

Приглушенная музыка сменяется громкой иностранной мелодией, и папа разворачивает меня лицом к накрытой белой тканью машине. Я замираю.

– Это мне? – делаю шаг, и скользкий материал стягивают с кузова новенького мерседеса-кабриолета.

– Спасибо, – накрываю рот ладонями и во все глаза плююсь на машину. Несколько секунд молчаливого ступора, после которого я начинаю визжать от переполняющих меня эмоций. – Спасибо-спасибо, – висну на отцовской шее, но очень быстро бегу к автомобилю. Открываю дверь, сажусь в салон, кручу руль и, конечно же, фоткаю всю эту прелесть для инстаграма.

Полинка радуется вместе со мной, начинает выть, что тоже попросит машину у родителей, а я слушаю, слушаю ее и смотрю в глаза тому, кто стоит поодаль, убрав руки в карманы черных брюк.

Это опять он. Я даже имени его не знаю, но заворожено смотрю в его глаза, чувствуя, как по спине ползут крупные мурашки, и обнимаю себя руками, изгибая губы в робкой улыбке. Но стоит мне это сделать, как незнакомец хмурит брови и с едкой усмешкой уходит прочь. Я совсем недолго вижу его спину и растерянно тру шею ладонью, улыбка меркнет, но я быстро подхватываю Польшин позитивный настрой, возвращаясь к глупой болтовне.

Глава 2

Тея

Вытягиваюсь в постели и, перекатившись на бок, встаю с кровати. Сегодня мое настроение гораздо лучше, я бодро и весела. Все вчерашние гадости остались там, в прошлом. На самом деле, не сказать, что я страдаю о потере Юлика, скорее, меня взбесил сам факт. Какого хрена он решил донести информацию о нашем расставании именно в день моего рождения? Такое ощущение, что он сделал это специально.

Идиот!

Приняв душ, надеваю домашнюю пижаму и походкой гордого пингвинчика спускаюсь в столовую к завтраку. Папа уже при параде, вот-вот выскочит из дома.

Забираюсь с ногами на свой стул и придвигаю чашку кофе ближе.

Катя, наша помощница по дому, ставит передо мной омлет, и я непроизвольно кривлю губы. Не хочу я есть. Не лезет.

Аккуратно огибаю стол и, ускорив шаг, выхожу во двор. По дорожке в сторону дома чешет Полька.

– Привет, – подружка машет рукой, останавливаясь рядом.

– Привет. Ты как раз вовремя. Хочу опробовать свой подарок.

– Я всегда «за».

– Тогда я сейчас быстренько оденусь. Кстати, совсем за-
была тебе рассказать...

– Что? – Полинка валяется на моей кровати, пока я заче-
сываю волосы в высокий хвост.

– Свой позор.

– Когда ты успела?

– Вчера. В общем, дело было так...

Пока я излагаю Полине конфуз вчерашнего вечера с пла-
тьем и официантом, ее удивление медленно сменяется смеш-
ками.

– Это не весело, – качаю головой, – это пипец какой позор.

– Да ладно тебе, ну поглазел тот парень, от тебя не убудет.

– Что? – кидаю в нее расческу. – Дура.

Полина хихикает и поднимается на ноги.

– Все, едем уже. И так красивая, – оттаскивает от зерка-
ла. – Закинешь меня к маме в ресторан?

– Закину. А у тетя Жени еще делают те вкусняющие пи-
рожные?

– С малиной?

– С ней, – прикрываю глаза, вспоминая этот божествен-
ный вкус.

– Делают.

– Тогда я готова отнести тебя туда на руках.

– Поехали, – Полина вытягивает меня на лестницу, и мы,
распрощавшись с мамой, идем к машине. Водитель уже си-

дит на переднем пассажирском, ждет своей неминуемой участи и пары сотен седых волос. Без него мне пока машину не доверили. Прикрепили в качестве няньки.

– Так, ну все перекрестились, пристегнулись, гоним, – воодушевленно снимаю машину с паркинга и медленно выезжаю с территории особняка.

Я еду как черепашка, поэтому у ресторана Полининых родителей мы оказываемся спустя два с половиной часа. Честно, я уже готова отказаться от этой дурацкой идеи с вождением, руки вспотели, а голова идет кругом, но это внутри. Внешне же я довольно улыбаюсь и в жизни не дам заднюю.

– Так, отсюда до арены совсем близко, значит, после сытного обеда я поеду на репетицию.

– Надеюсь, успеешь, – подкалывает Поли, пропуская меня вперед.

– Какая ты язва. Кстати, нужно позвонить Эммке и потушить всем вместе, говорят, в центре открылся какой-то новый клуб, все его так хвалят.

– Вообще, у меня была идея получше.

– Какая?

– Я уверена, тебе понравится. Но пока это сюрприз.

– Я обожаю сюрпризы. Только... надо что-то придумать для родителей, не думаю, что они будут рады моему отсутствию дома этой ночью.

– Скажи, что останешься у меня на городской квартире.

– Точно.

Под дальнейшую болтовню я расправляюсь с десертом и, попрощавшись с Полей до вечера, выхожу на улицу. Я так хочу сесть за руль, но без Игната, моего водителя. Он меня раздражает. Вечно хмурый, молчаливый – точно робот.

Сев за руль, ойкаяю и умоляющим голосом прошу его купить воды. Пить мне не хочется, а вот уехать отсюда одной – еще как. Пока водитель взбегает по ступенькам ресторана, пристегиваю ремень, а как только он скрывается за дверьми, нажимаю кнопку «Старт», быстренько выруливая с парковки. Я прекрасно могу справляться сама и мне абсолютно не нужны всякие няньки.

В зеркала вижу лишь бегущую за мной фигуру в черном костюме и опускаю крышу кабриолета. Волосы развеваются на ветру, и я чувствую запах свободы.

До арены добираюсь быстро, как оказалось, без надсмотрщика я действительно веду себя уверенней. Но думаю я так недолго, завернув на парковку, не успеваю выкрутить руль, не справляюсь управлением и толкаю бампером стоящий в парковочной секции мотоцикл. Тот падает, ровно так же как и мое сердце, сейчас его возможно отыскать где-то на полу.

Крепче вцепляюсь в руль и зажмуриваюсь. Нет, ну это просто несправедливо, втягиваю воздух и возвращаю крышу машины на ее законное место – очень хочу забаррикадироваться. Сижу так минут пять, а после все же собираюсь с духом и вылезаю наружу, как раз в тот момент, когда к байку подходит его владелец. Черт! Я, как всегда, вовремя. Сгла-

тываю, стыдливо поднимая глаза.

Наверное, на моем лице уже все написано. Я шокирована. Именно шокирована. Потому что человек, стоящий передо мной, тот самый официант с моего дня рождения. Нет, ну почему он? Хочется взвыть.

– Опять ты? – его раздраженный всплеск руками несравним ни с чем. – Ты меня преследуешь? – присаживается к упавшему мотоциклу, что-то бормоча себе под нос.

– Я случайно. Правда, – делаю шаг в его сторону, – я все оплачу.

– Ездить лучше научись, – огрызается и поднимает байк с земли.

– Я тебе не хамила! – все мое сожаление начинает таять, и я делаю еще один шаг к нему навстречу.

– Да, только раскурочила мой мотоцикл, а в целом все прекрасно.

– Тут всего пара царапин, – складываю руки на груди, – если бы я знала, что он твой...

– И? Продолжай, мне уже интересно.

Он трет подбородок, впиваясь глазами в мое лицо. Уверена, он готов придушить меня прямо здесь, но яркий солнечный свет, прохожие и камеры видеонаблюдения на стенах арены явно его сдерживают.

– ...объехала бы за километр, – добавляю уже не так уверенно.

– Надеюсь, в следующий раз все так и будет, – его взгляд

вновь блуждает по моему телу, и я чувствую, как начинаю раздражаться. Раздражаться, но делать то же самое. Я пялюсь на него, откровенно пялюсь и ощущаю себя полной душой.

– В прошлый раз картинка мне понравилась больше, – уголки его губ заостряются, и я неосознанно одергиваю подол платья. Легкое летнее платье, бледно-розовое в мелкий цветочек.

– Что? – возмущение рвется наружу, да он издевается. Откровенно надо мной издевается. Кидаюсь в него ключами от своей машины, это единственное, что оказалось под рукой. Безумно хочется, чтобы они прилетели ему в лоб, но нет. Он просто ловит их, сжимает в кулак и делает шаг в мою сторону. Надвигается. Сглатываю, покрываясь мурашками, я нервничаю и опасаясь.

Теперь я понимаю, почему мне было так неудобно в его присутствии, я инстинктивно защищаюсь, боюсь его выходок, потому что заведомо знаю – он способен на какую-нибудь гадость.

– Даришь? – скалится, обойдя меня кругом. Я чувствую на себе изучающий взгляд, он оценивает, именно оценивает, а еще он слишком близко. Критично близко, пара сантиметров.

Когда его пальцы касаются моего плеча, я вздрагиваю.

– Обойдешься, – шиплю, ошарашенно смотря на его руку, которая уже скользит по моей ладони. Он возвращает клю-

чи, сжимая мои пальцы в кулак. Не понимаю, что со мной, но от каждого прикосновения по телу проходит электрический разряд. Часто дышу, стараясь не смотреть ему в глаза, плююсь на свои сабо, крепче стискиваю руку в кулак. Случайно задеваю кнопку, и машина весело подмигивает нам фарами.

– Научись водить, Тея, – он говорит тихо, таким шелковистым голосом с каплей придыхания, склонившись к моему уху. Я чувствую его дыхание и резко оборачиваюсь, сразу как только слышу свое имя. Откуда он... неужели запомнил с банкета?

Нервно копошусь в своей сумке и дрожащими пальцами вынимаю деньги.

– Это за царапины, – протягиваю, а сама стараюсь на него не смотреть. Хочу побыстрее отсюда сбежать.

– Обойдусь, – он смотрит с неким отвращением, словно я вновь сделала что-то плохое.

Я так и стою с вытянутой рукой, пока он перекидывает ногу через мотоцикл, надевает на голову шлем и опускает визор. Теперь я не вижу его лица, лишь отражение своего.

Рев мотоцикла давит на барабанные перепонки, но я не успеваю сориентироваться, зажать уши или сделать что-то еще. Байк слишком быстро исчезает на проспекте, был, а теперь нет.

Отмерев, понимаю, что уже опаздываю, убираю деньги и избегаю по лестнице. Пока иду к дверям, несколько раз оглядываюсь на то место, где я секунды назад стояла как исту-

кан, и наконец-то попадаю внутрь здания. Разглаживаю подол платья и, вздохнув с облегчением, оперативно вышагиваю в раздевалку.

Глава 3

Тея

Делаю глубокий вдох и складку. Сегодня, как и десятки дней до, я вновь в зале. Не могу выйти на лед, не получается. Стоит только подойти к краю бортика, и мне сразу становится не по себе. Страх заключает меня в клетку, в ней слишком длинные и острые шипы, стоит пошевелиться, и они впиваются в тело, режут кожу, врезаясь все глубже.

– Заканчиваем, – Лиля Федоровна отворачивается. Она злится. Наверное, ее уже достали эти промотанные со мной часы. Бесполезно потраченное время, даже несмотря на то, что ей за это платят, очень хорошо платят. – Тея, – ее лицо становится мягче, или же она пытается сделать его таковым для меня, не знаю, – я думаю, тебе необходима передышка. Пара недель отдыха не помешает...

– Почему?

– Девочка моя, мы занимаемся уже три месяца, и не сдвинулись ни на шаг. В зале выполнение просто идеальное, ты полностью восстановилась, плечо тебя больше не беспокоит, но стоит нам выйти на лед...

– Я знаю, но... давайте попробуем еще раз, сейчас, только надену коньки.

– Тея...

– Я смогу, правда смогу.

Лиля вздыхает и, нерешительно кивнув, покидает зал, идет на лед. Я же шнуруюсь и торопливо шагаю следом. Подхожу к краю, снимаю защитки с лезвий коньков и аккуратно ступаю на лед правой ногой. Пальцы крепче впиваются в бортик, и я приставляю вторую ногу. Выдыхаю. Мне просто нужно сосредоточиться, выкинуть из головы все лишние мысли. Меня ведет, становится не по себе, как и сотни раз до. Не понимаю, почему я раньше его не страшилась, почему раньше была наполнена отвагой и решительностью? Куда все это делось? Куда?

– Сделай пару кругов, – голос позади заставляет вздрогнуть, но я беспрекословно выполняю все, что она мне говорит, – хорошо, теперь покажи мне что-нибудь, то, что считаешь нужным сама.

Киваю и набираю скорость. Честно говоря, сегодня право выбора мне совсем не нужно, все элементы и поставленные номера перемешиваются в моей голове, превращаясь в наваристый бульон. Проще было бы выполнить что-то по указке, гораздо проще.

Выдыхаю, у меня получается, растягиваю губы в широкой улыбке, а на лбу проявляется глубокая мимическая складка. Она всегда там образовывается, когда я напряжена. Я радуюсь своей маленькой победе, но недолго. Как только дело доходит до прыжка, теряюсь, сжимаюсь подобно пружине, не докручиваю аксель, падаю.

За секунду до прыжка я лихорадочно думаю о том, сколь-

ко боли вытерпела в день моей травмы. Сколько стыда испытала после. Я так долго чувствовала это отвращение, мерзкое, липкое, направленное на саму себя, оно не давало покоя. По ночам, словно на репите, слышала хруст своих костей и распахивала глаза, долго смотрела в потолок, а по утрам старалась улыбаться. Я боялась, боялась показаться слабой, никчемной...

Наверное, это обычное дело – получить перелом ключицы, сотрясение, обычное дело для спорта, но не для меня. Я не выдержала натиска, не смогла. Возможно, виной всему моя несамостоятельность и идеальность окружающего меня мира. Мама с папой тщательно выстроили нежный, мягкий кокон, без боли, разочарований, они всегда старались ограждать меня от несправедливостей жизни, о которых я читала в книгах или видела в кино.

Кости срослись, синяки исчезли, а страх падения остался. Я очень быстро восстановилась физически, но так и не смогла преодолеть этот жуткий барьер морально. До сих пор не могу.

Под ладонями лед, он обжигает. Отталкиваюсь. Вытираю слезы, замечая, как уходит Лилия Федоровна. Она была права, я ни на что больше неспособна. Поднимаюсь и на дрожащих ногах доезжаю до бортика. В мареве эмоций абсолютно не замечаю того, как добираюсь до раздевалки, мне так плохо. Я бессильна перед своими страхами, никак не могу их побороть, у меня просто не получается. Психую и раздражен-

но убираю все свои вещи в сумку. Распускаю высокий хвост, разлохмачивая свои светлые волосы. В зеркало не смотрюсь, только поправляю лямки платья. Выйдя на парковку, замечаю Игната, он ходит вокруг машины, и я снимаю ее с сигнализации. Водитель оперативно садится за руль, дожидаясь, пока я заберусь в салон.

– Куда едем?

– Домой, – отворачиваюсь к окну, складывая руки на груди.

Когда машина заезжает во двор, вытягиваю шею, замечая черный «БМВ» Лили, они с мамой стоят на ступеньках особняка, разговаривают. Прижимаю ладошку к стеклу, словно так я услышу, о чем они беседуют.

Заметив мой мерс, Лиля касается маминого плеча и усаживается за руль. Уезжает.

Как только Игнат паркуется, сразу же вылетаю на улицу.

– Зачем она приезжала? – растерянно бегаю глазами по материнскому лицу, чтобы понять хоть что-то.

– Пойдем в дом, нам с тобой нужно поговорить, – мама берет меня под руку и заводит в столовую. – Чай?

– Нет. Что произошло? Зачем приезжала Лиля?

Мама нервно трет виски и присаживается напротив. Берет яблоко из стоящей корзинки, теребит его в ладонях, потирая бликующие красные бока пальцами.

– Доченька, мы вынуждены прекратить тренировки, именно с этим тренером.

– Она от меня отказалась, да?
– Мы подыщем другого...
– Не надо, – отрицательно мотаю головой, – это бесполезно.

– Тея.
– Это глупая затея, мама, я просто не могу.
– Может быть, стоит сходить к психологу?
– Я не сумасшедшая!
– Доченька, к нему и не ходят сумасшедшие.
– Я должна сама, понимаешь, сама, – растираю по щекам слезы, стараясь не смотреть на маму.
– Хорошо. Если ты считаешь, что так для тебя будет лучше...

– Я не знаю, не знаю, как для меня будет лучше. Не знаю. Я чувствую себя слабачкой. У папы была такая серьезная травма, он ходить не мог, а потом восстановился и стал чемпионом, мам. А я какую-то косточку сломала и больше не могу кататься. Мне страшно, я боюсь, что это произойдет снова. Я же опозорилась, там, на чемпионате юниоров, я опозорилась. Папу опозорила.

– Тея, – мама огибает стол и присаживается передо мной на корточки, сжимает ладошки, – девочка моя, ты правда думаешь, что для папы важны эти победы? Милая, мы любим тебя просто потому, что ты есть. Победы – это хорошо, но они не должны быть в ущерб чему-то, слышишь? Папа тобой очень гордится, как и я. Ты же такая умная, красивая,

талантливая девочка.

– Правда?

– Конечно. Не плачь. Хочешь, мы с тобой съездим в город, пройдемся по магазинам?

– Давай, – начинаю рыдать еще сильнее, а мама, улыбаясь, гладит меня по голове.

– Тогда умывайся, и выезжаем.

– Ладно.

Пока я ковыряюсь в ванной на первом этаже и привожу свое красное и распухшее лицо в порядок, в гостиной начинают раздаваться голоса. Прислушиваюсь и выключаю воду. Отчетливо слышу голос отца, и кажется, он недоволен. Выглядываю в комнату и сразу оказываюсь замеченной.

– Никакой машины, – папин запрет мгновенно летит мне в лицо.

– Богдан, что случилось? – мама озадаченно смотрит то на меня, то на него.

– Она сбежала от водителя, села за руль одна и разбила бампер. Плевать на машину, – папа сразу сделал уточнение. – Ты хоть представляешь, что с тобой могло случиться в дороге, Тея?!

Хлюпаю носом, присаживаюсь на край дивана.

– Я не специально, просто...

– Что «просто»?

– А я изначально была против! – мама обращается к отцу. – У нее нет никакого опыта, никакого.

– Прекрати, Герда.

– Прекратить? Ты пришел, всех накрутил, а теперь говоришь мне прекратить?

– Не ругайтесь, – скулю себе под нос, – я больше не сяду за руль, водитель из меня не очень, как и фигуристка.

Мама, желающая что-то до этого сказать, закусывает губу. Ее взгляд меняется, и она садится рядом.

– Тея, – вздыхает.

– Что случилось? – отец присаживается по другую от меня сторону.

– Лиля Федоровна от меня отказалась, я опять не смогла, не смогла сегодня, – накрываю лицо ладонями, а в голове появляется нарастающая боль, – ты же смог. Почему я не могу?

Папа потирает указательным пальцем бровь, касаясь мамы беглым взглядом.

– Тея, прошло еще немного времени. Если ты действительно этого хочешь, то у тебя все получится.

– Правда?

– Правда, иди сюда.

Придвигаюсь ближе, упираясь носом в отцовское плечо, продолжая всхлипывать.

– Не реви.

– Я не реву.

– Тейка опять ноет?

Лепреконе, как и всегда, появляется в самый неподходя-

щий момент. Отстраняюсь от папы, прищурено смотря на Ника.

– Изыди, нечисть.

– Сама такая. Пап, ты обещал пострелять из арбалета.

– Сейчас поедem. Не реви, – касается моей щеки.

Часто киваю, пытаюсь улыбнуться, и почти сразу ощущаю мамино прикосновение к моим волосам. Подвигаюсь к ней.

– Заплети мне что-нибудь.

– Давай, – мама разделяет пряди, обращаясь к отцу: – Вы надолго?

– Нет, на пару часов. Я позвоню, когда Никиту домой отправлю. Мне потом нужно еще в офис заехать.

– Хорошо. Но я тебя прошу, следи за ним.

– Не переживай, ему выдадут пластмассовые стрелы.

– Я не хочу поддельные стрелы.

– А тебя не спрашивают, – папа подталкивает мелкого к выходу и, поцеловав маму, уходит следом.

– Успокоилась?

– Да. Мам, а можно сегодня к Польке поехать? В город.

– Зачем?

– Мы так давно не виделись, поболтаем, купим шампанского, посмотрим сериальчик.

– Шампанское в этом списке лишнее.

– Мне уже есть восемнадцать, – смеюсь.

– Да-да, я все никак не могу привыкнуть, какая ты у нас уже взрослая.

– Так можно?

– Можно, водитель тебя отвезет.

– А завтра я позвоню ему, когда меня нужно будет забрать.

– Хорошо.

– Ты самая лучшая мама на свете!

– Встречай гостей, – заваливаюсь к подруге, целую в обе щеки, – блин, как у тебя здесь миленько, – прохожу вглубь квартиры, скинув босоножки.

– Мне тоже нравится, даже жаль, что я так редко тут бываю.

– Итак, какие у нас планы? – забираюсь с ногами на диван в центре гостиной. В квартире два уровня, на первом нет стен, только зональные ограждения и окна, эти огромные окна с нереально красивым видом на город.

– В общем, Тея, – Полина загорается каким-то сумасшедшим предвкушением, – мы едем на дрифт.

– Ты серьезно? – моя радость угасает. – Тебе действительно этого хочется?

– Это же адреналин. Ты только представь, – Полька разводит руки, – ночь, многоуровневая парковка, запах паленой резины шин, куча красавчиков на отпадных тачках...

– Мне кажется, ты идеализируешь, – вздыхаю.

– Ну Шелест, ну поехали, будет весело. В Японии это происходит так атмосферно.

– Не думаю, что у нас как в Японии.

– Тея!

– Ладно, хорошо. Но я лучше бы поехала в клуб.

– Боже, это такая банальность. А тут...

– Я поняла, куча мужиков и вонючая резина. Вызывай такси.

– Я уже, – пожимает плечами, хитро улыбаясь.

По приезде я действительно вижу перед собой многоуровневую парковку, въезд на которую напоминает спираль. Конечно, мы поднимаемся туда пешком, по лестнице, и на последних ступенях мне хочется свесить свой язык набок. Нереально трудно прошагать такой путь на каблуках.

На площадке одного из этажей целое сборище машин и их хозяев. Также немалое количество девиц, они, подобно Поле, пускают слюни на все это действо.

Складываю руки на груди, останавливаясь рядом с Поли. Осматриваюсь, замечая мониторы, показывающие, как заносит съезжающие по спиральке машины. Видимо, они и правда готовились основательно и напихали камер, чуть позже я узнаю, что они просто подключились к системе видеонаблюдения, установленного в здании, и только сейчас понимаю, что все это незаконно.

– Полин, поехали отсюда, если нас тут поймают...

– Кто нас поймает?

– Полиция...

– Тея, прекрати нагнетать. Всем пофиг. Ну вот кому мы все тут нужны?

– И все же, если нас поймают, твой отец тебя убьет.

– Ну да, папа может, но нас не поймают. И вообще, странно слышать это от человека, который угнал свою же машину.

– Очень смешно, – улыбаюсь.

– Так, я договорилась и поеду вон с тем парнем, – подружка указывает на высокого блондина, он стоит в паре метров от нас. – А ты?

– А я посмотрю со стороны.

– Боже, тебе точно лет семьдесят.

– Я просто дорожу своей жизнью, – высовываю язык.

– А мне хочется, чего-то... прям вау!

– Вперед.

Мурас Полина Игоревна походкой от бедра шагает к салатовому скайлайну, а все, что остается мне, замороженно смотреть в мониторы, наблюдая за тем, как их машину заносит на довольно крутых поворотах.

А потом, потом происходит что-то ужасное. Я слышу вой сирен, вижу, как машины начинают разъезжаться, а толпа людей – разбежаться в разные стороны. Несусь в этом потоке куда глядят мои глаза, полностью теряясь в пространстве.

Каблук подламывается, и я оступаюсь. Щиколотку пронзает резкой точечной болью, с губ срывается всхлип, а чужая рука опоясывает мою талию.

– Ну привет, – на самое ухо, – оказывается, ты не только ездить не умеешь, но и бегать.

Его голос выводит из транса, заставляет повернуть голову

и столкнуться взглядами. Это он, тот, с кем я встретилась на своем дне рождения.

– Отпусти, – отлепляю его ладонь, – чего тебе надо?

– Если ты не поторопишься, то проведешь эту ночь в ментовке, перспектива так себе, – он нагло тянет меня за собой, но я словно приклеиваюсь к полу. Замираю. Меня перетряхивает от его близости, рядом с ним я становлюсь не собой. Смотрю в его лицо и не могу ничего сказать, ничего, просто смотрю. У него такие длинные ресницы и глаза, яркие, наглые глаза. А ведь я до сих пор не знаю его имени... до сих пор.

– Пошли.

– Куда? – хлопаю ресницами.

– Вниз, – его усмешка запечатлевается в моей голове, – поздно.

Он кривит лицо, а я вздрагиваю от ощущений чужого прикосновения к моему плечу. Обернувшись, вижу перед собой полицейского. Мой «знакомый» делает попытку сбежать, но ему заламывают руки, довольно грубо заталкивая в полицейскую машину. До меня долетает поток отборного мата, и я нервно сглатываю, все еще не веря, что действительно проведу эту ночь в полиции.

– Ты тоже едешь с нами!

Лейтенант не церемонясь толкает меня к машине, а я совершенно не представляю, как буду оправдываться перед родителями. Еще и Полька пропала, очень надеюсь, что хотя

бы ее не постигла подобная участь. В сумочке начинает трезвонить мобильный, я успеваю заметить лишь имя абонента – Поля, прежде чем у меня отбирают телефон.

– Этих в отдел.

Голос позади словно в тумане. Обнимаю себя руками, сидя внутри полицейского уазика, и смотрю на решетки. Меня трясет. Как, как я могла во все это впутаться?

Плечи покрываются мурашками, становится слишком холодно, все же мне стоило надеть куртку. Растираю гусиную кожу, продолжая всхлипывать. Совсем скоро у меня начнется истерика.

– Не реви, они выяснят, кто ты, позвонят твоему отцу, и он тебя заберет.

Его голос кажется таким громким, хотя на самом деле он говорит тихо, почти шепотом. А ведь я даже не заметила, что нас посадили в одну машину. Тут четыре человека и слишком мало места, нас практически в прямом смысле засунули в багажник с лавочками друг напротив друга. Но даже в этой тесноте я абстрагировалась настолько, что не заметила его. Совсем.

– Это ужасно, я не хотела сюда ехать, не хотела...

– Но приехала, – снимает свою джинсовку, накидывая мне на плечи, – тебя трясет.

– Спасибо, – стягиваю материал, стараясь завернуться в него как можно сильнее.

Он остается в одной майке болотного цвета, взгляд сам

падает на переплетение татуировок, они видны в широком V-образном вырезе. Где-то черные, где-то цветные рисунки затрагивают не только грудную клетку, нет, правая рука облачена в татуированный рукав, он доходит до самых пальцев.

– Понравилось? – крутит запястьем, глядя в мое лицо с усмешкой.

– Что это за змея? – касаюсь его кожи, и мы оба вздрагиваем.

– Коралловый аспид.

– Звучит красиво.

– Не думаю, что встреча с ней тебе бы понравилась, – отдергивает руку и, отвернувшись, сжимает ладонь в кулак.

Глава 4

Нервно кусаю губы и смотрю на мелькающий в решетке свет фонарей. На улице давно ночь. В отделении нас засовывают в камеру, настоящую, с железными прутьями и длинной лавкой вдоль всей стены. Здесь дурно пахнет, а в углу дрыхнет какой-то бомж, возможно, я ошибаюсь, но выглядит он довольно плохо.

Меня затолкнули сюда первой, а потому весь остальной поток людей прет напролом, заставляя напрячься. Отступаю на своих убитых каблуках, а после оказываюсь выдернутой в сторону. Он хватает меня под локоть и тянет на себя, слишком неожиданно, резко. Его пальцы с толикой боли впиваются в мою кожу, и вот я уже прилетаю носом в его грудь. Тру лицо свободной рукой, запрокидывая голову. На мне все еще его куртка.

– Не стой на проходе, – закатывает глаза.

Он словно намеренно от меня отворачивается, усиливая захват. Морщусь, пытаюсь вернуть себе свою конечность. В этой возне я несколько раз упираюсь бедром в его пах, не сразу соображая, что не так. Нет... мне же показалось? Хочу взглянуть ему в глаза, но он отступает, отворачивается. Мне сейчас причудилось или я реально терлась там... боже. Он же не мог возбудиться, нет... пячусь и впечатываюсь спиной в угол решетки. По лицу ползут красные пятна. На автомате

хочу залезть рукой в сумку за телефоном, но все личные вещи у нас отобрали.

Когда оборачиваюсь на своего «знакомого», понимаю, что ему абсолютно плевать на происходящее, на мое смущение, его не волнуют эти люди, запах и творящийся вокруг кошмар. Он сидит на этой самой лавке, сложив руки на груди, голова прижата к окрашенной в грязно-коричневый цвет стене, веки плотно закрыты.

Его куртка мне велика, из-под рукавов видны лишь кончики пальцев. Обнимаю себя за плечи, чувствуя взгляды. Здесь не только пойманные на парковке люди, нет, тут еще парочка ночных бабочек и какой-то мужик кавказской внешности. Нервно передергиваю плечами и, сжавшись в комочек, ползу к лавке.

– Когда нас выпустят?

Мне нужно спрятаться, мне просто необходима поддержка. Поэтому я по инерции приклеиваюсь к тому, кого хоть немного знаю. Подхожу вплотную, почти касаясь коленом его ноги.

– Что? – приоткрывает один глаз.

– Нас скоро выпустят?

– Тебя раньше, – вновь захлопывает веки.

– Как тебя зовут? – растираю ладошки друг о друга, нервничаю, когда я в таком состоянии, то мне обязательно нужно с кем-то поговорить. И кажется, я уже нашла себе мишень.

– Слушай, посиди молча, а?!

– Тут грязно, – смотрю на лавку и представляю, каким станет мое бледно-голубое платье.

– Тогда постой. Молча.

– Если ты все еще злишься из-за мотоцикла, то я правда случайно. Первый раз за руль села в тот день...

Он лениво открывает глаза, зевает и довольно медленно трет скулу.

– Я понял.

– Ты мог бы взять деньги, я же действительно была виновата.

– Слушай, чего ты ко мне пристала, а?

Застываю и, клацнув зубами, опускаю голову. Чувствую себя уязвленной. В других обстоятельствах я бы нашлась с ответом, но сейчас, сейчас у меня жуткий стресс.

– Я просто хотела сказать тебе спасибо за помощь там, на парковке.

– Зря.

– Что «зря»?

– Зря помогал. Теперь приходится сидеть здесь. Кому-то просто нужно быстрее шевелить ногами.

– Извини, я...

– За тобой пришли, – кивает за мою спину. Оборачиваюсь и застываю. Там стоит папа, он мило беседует с офицером, улыбается. – Я же говорил, тебя быстро выпустят.

– А ты?

– Топай, крошка, – он усмехается, закрывает глаза и вновь

упирается затылком в стену.

Я выхожу, смотря себе под ноги, мне так стыдно. Очень стыдно. Папа касается моего плеча и выводит на улицу, подталкивает к машине, а когда открывает дверь, я понимаю, что ЕГО никто не выпустит. Сколько ему придется там просидеть?

– Пап, – задираю голову, – там парень, его привезли сюда из-за меня. Если бы он не решился мне помогать, то его бы не поймали, – шепчу и никак не могу уловить эмоции на отцовском лице, ощущение, что сейчас у него их просто нет.

– Тея, ответь мне на один вопрос: что мы делаем не так?

– Что?

– Что мы с мамой делаем не так? Я все понимаю, но вытаскивать тебя из обезьянника посреди ночи – это уже за гранью, дочка.

– Я не хотела, я не знала, что может приехать полиция. Это же просто дрифт, я хотела только посмотреть, ни в чем не участвовала, не делала ставок. Просто смотрела.

– Что это за парень?

– Не знаю, – качаю головой, – у меня сломался каблук, и он хотел мне помочь. Попроси, чтобы его тоже выпустили, пожалуйста.

– Садись в машину.

– Ты попросишь? – сжимаю отцовскую руку.

– Хорошо. Сядь в машину.

Часто киваю и забираюсь на пассажирское, пристегиваю

ремень и опускаю стеклоподъемник. После той вони, что была в этой клетке, до сих пор не могу надышаться свежим воздухом.

Через несколько минут дверь отделения вновь открывается. Папа появляется на крыльце первым, после выходит мой знакомый. Что-то говорит отцу, тот кивает и, пожав ему руку, идет к машине. Я же смотрю на то, как парень прикуривает сигарету и делает затяжку. Перестаю дышать, завороченно наблюдая за его плавными, ленивыми движениями, а когда дверь в салоне авто захлопывается, вздрагиваю.

– Маме ничего не говори, – папа выезжает на дорогу, – не стоит волновать ее лишний раз, но, Тея, еще одна подобная выходка...

– Такого больше не повторится, я обещаю.

– И я очень на это надеюсь.

Прикрываю глаза, только сейчас понимая, что я так и уехала в чужой куртке. И как я теперь ему ее верну? Где его искать? Этот вопрос не дает мне покоя, я настолько погружаюсь в мысли, что не замечаю, как мы оказываемся в гараже.

– Спасибо, – смотрю на отца, – извини меня. Я правда не хотела доставлять тебе неудобства.

– Дело не в неудобствах, Тея, а в твоей безопасности. Иди спать, – папа целует меня в макушку, и мы вместе выходим из машины.

В комнате я долго прислушиваюсь к звукам за дверью, отец, кажется, тоже идет спать. Прижимаюсь спиной к стене,

медленно стягиваю куртку с плеч, стискивая ее в объятия. Она потертая, пахнет сигаретами и туалетной водой с ярко выраженными древесными нотками.

Подобное произошло со мной первый раз в жизни, как я могла так вляпаться? Если бы папа не приехал, я бы просидела в той конуре до утра ...

Утром я долго не решаюсь выйти из комнаты, хожу из угла в угол с мужской курткой в руках.

Этой ночью я так и не смогла заснуть, мысли просто не позволяли мне этого сделать. Я ворочалась, смотрела в потолок, зажмуривала глаза, но все было бесполезно. Сон не шел, а бодрость лишь нарастала. За эти часы темноты за окном я успела о многом передумать, осознать, что творю какую-то дичь. И я же вроде не при чем, но последствия шарашат по мне отбойным молотком.

В дверь стучат, и я резко накрываюсь с головой одеялом. По тихим шагам сразу понимаю, что это мама.

– Я знаю, ты не спишь.

– Не сплю, – вылезаю из своего убежища и, подтянувшись на локтях, усаживаюсь в кровати.

– Если вы с отцом хотели скрыть от меня свой поздний ночной приезд, не вышло. Разочарование с тренировками вынуждает тебя совершать необдуманные поступки, и стоит предотвратить подобное на старте. Ночь в полиции – это уже за гранью, доченька, за гранью.

– Но, мама, я...

Что я? Какие у меня есть оправдания? В голове так и сидит эта навязчивая мысль о куртке. Мне нужно ее вернуть... нужно. Не понимаю свой порыв, но чувствую, что мне необходимо это сделать. Увидеть его и вернуть куртку. Что здесь главное: увидеть или же вернуть?

– Ты злоупотребляешь нашей с папой добротой.

– Нет, это не так.

– Возможно, но я очень огорчена твоей ночной выходкой. Тебе никто и никогда ничего не запрещал, но это уже переходит все границы.

Когда мама уходит, я еще долго смотрю на закрывшуюся за ней дверь. Смотрю и хочу разрыдаться. Мама никогда не разговаривала со мной так безэмоционально, никогда. Неужели я подорвала их доверие? Ну я же не хотела... не хотела...

Вечером, за ужином, я просто ковыряюсь вилкой в тарелке. Улыбаюсь проходящей мимо Кате, она хочет накормить меня до отвала, но в меня ничего не лезет. Совсем.

Мама что-то тихо обсуждает с отцом, родители выбрали тактику игнорирования, поэтому я сижу, уткнувшись в телефон, и от этого молчания в горле встает ком из слез и разочарований.

Но когда приходит очередной ответ от Польки, я понимаю, что, в отличие от меня, ей влетело по первое число. Неделя домашнего ареста и два месяца работы официанткой в родительском ресторане.

– Спасибо за ужин, – встаю из-за стола и делаю шаг к лестнице, жду чего-то вроде «ты даже не поела», но ответом служит лишь тишина. Вбегаю вверх по лестнице и присаживаюсь на последнюю ступеньку.

– Герда, ты перегибаешь. Она это мясо с соусом из своих слез ела, – до меня доносится голос отца. Вытягиваю шею, прислушиваясь к разговорам.

– Я видела, но отреагировать нужно, это ненормально, то, откуда ты ее вытащил сегодня ночью. Какой сюрприз она преподнесет нам в следующий раз?

– Возможно, ты и права.

– Наказывать Тею запретами бесполезно. Она должна понять, что своими выходками делает нам больно. Я просто не представляю... а если бы с ней там что-то случилось? На этих гонках...

Родители продолжают говорить, а я плетусь к себе и, упав лицом в подушку, начинаю выть на всю комнату. Я реву не сдерживая эмоций, а потом на меня выливается вода. Много воды. Подрываюсь, начиная кашлять и быстро моргать. Когда шок проходит, и я уже различаю происходящее, вижу перед собой довольную морду гоблина. Ник стоит с кастрюлей в руках, именно из нее он окатил меня ледяной водой.

– Ты охренел!

– Тейка, че ты вечно ноешь? Меня знаешь сколько раз наказывали?! – он закатывает глаза и, зашвырнув кастрюлю на кресло, садится рядом. – Ты как девчонка.

– Я и есть девчонка, – растираю остатки воды по лицу. – Чего тебе надо?

– Пошли кино посмотрим. Скучно.

– Пошли, – пожимаю плечами, – и да, сегодня ты спишь тут. Заодно и высушишь.

– Ага, ща, – Ник показывает язык и убегает в свою комнату, несусь за ним следом, ловя себя на мысли, что это, оказывается, не так плохо, когда у тебя есть брат, хоть и не всегда адекватный.

Всю неделю я веду себя тише воды, ниже травы, всячески подлизываясь к родителям, не привыкла быть с ними в ссоре, и если папа оттаивает быстро, то мама до последнего старается держать оборону. Но к вечеру воскресенья даже она прекращает бойкот. В связи с этим утром в понедельник я просыпаюсь в привычной для себя атмосфере, завтракаю и еду к Польке, у меня к ней дело, и я уверена, только она может мне помочь.

Оставив Игната в машине, поднимаюсь в комнату к моей девочке и, плотно закрыв за собой дверь, лезу к ней с обнимашками.

– Боже, наконец-то неделя этого сидения в четырех стенах окончена, – подруга заваливается на кровать, и я вместе с ней.

– Сильно ругали?

– Пфф, папа орал так, что чуть все стекла в доме не вылетели. А у тебя как?

– А со мной неделю не разговаривали.

– И все?

– И все.

– Да, Шелест, мне б твои наказания, – Полина внимательно на меня смотрит и, прищулив глаза, цоклет языком. – Я прям чую, ты что-то задумала.

– Задумала, но мне нужна твоя помощь.

– Да мне теперь все равно, что творить и куда бежать. Излагай.

– Помнишь официанта, о котором я тебе рассказывала?

– И?

– Это вместе с ним нас загребли в участок.

– Та-а-ак, – Полька проворно опирается на локти и, подтянувшись, усаживается у изголовья кровати, – это уже интересно.

– Короче, мне нужно его найти.

– Найти?

– Да, отдать куртку, ну и так...

– Так? Тея, а как же страдашки по Юлику?

– Я тебя умоляю, какие страдашки?!

– Значит, план герой-официант считаем активированным?

– Считаем.

– И где будем искать?

– Может, съездим в тот участок? Если дать им денег, они могут сказать, где его искать. Просто я даже имени его не

знаю.

– Они-то могут, но, если мой папенька узнает, что мы там шарились, бошки нам посшибает. Тут нужно тоньше. Подожди, он же был на дрифте. Ребята из той компании могут его знать. Сейчас, – Поля полезла за телефоном и начала быстро перелистывать список своих контактов. – Вот, Виталю дрифт.

– Это кто?

– А это тот, с которым я там каталась. Прикольный парень, да простит меня мой Изао.

– У вас все серьезно?

– Два года отношений, с первого курса, еще бы несерьезно.

– И что, он уже выучил русский?

– Ага, «привет, как дела?» – наш потолок. Так, вот нашла, звоним?

– Звоним.

Полина кивнула и нажала кнопку вызова. Через несколько долгих протяжных гудков ей ответили.

– Привет, котик. Это Полина, помнишь? На той неделе...

– Помню.

Я отчетливо слышу мужской голос и, затаив дыхание, выжидаю, когда Польша перейдет к делу.

– Хорошо, что ты позвонила. Я так и не успел сохранить твой номер. Может, встретимся? Покатаемся?

– Конечно, встретимся, – Поля расплывается в улыбке, –

но сначала у меня к тебе будет дело.

– Какое?

– Нужно найти одного парня, он очень приглянулся моей подружке.

На этих словах толкаю Полю в бок локтем.

– Ай, – морщит нос, продолжая лыбиться, – он из вашей тусовки. Поможешь?

– Да без проблем. Говори имя.

– Тут такая вещь, имени мы не знаем.

– Ну хотя бы описать сможете?

– Сможешь? Тей?

– Да, – киваю, – высокий, глаза светлые, как льдинки...

– Так, Шелест, мы не стихи пишем.

– А еще на руке была татуировка, змея – коралловый аспид.

– Короче, татуха змеи на руке, такая в черно-красную полосочку змеюка.

В трубке повисает молчание, и мы с Полькой переглядываемся.

– Ты там жив?

– Жив, – словно с усмешкой, – вечером встретимся, и я все расскажу. Адрес скину в мессенджере, и да, подругу бери с собой – фоторобот составлять.

– Котик, ты просто душка. Мы будем.

Полька вырубает вызов и, громко выдохнув, сжимает мои плечи.

– Ну все, развлечение на вечер есть. Заодно и мистера икса твоего отыщем.

– Тебе не показалось, что после упоминания о татуировке он как-то странно отреагировал?

– Ну, может, он его знает, это же еще лучше, разве нет?

– Это же ужасно, что значит он моей подруге понравился? Никто мне не нравится, я просто хочу вернуть куртку.

– Ты себя накручиваешь, Тей, и мне мозг выносишь. Понравился-не понравился, какая, на фиг, разница? Пошли лучше позагорает.

– Ты непробиваемая, пошли. А что у тебя с работой?

– Я выпросила четыре дня отсрочки после домашнего заочения. С пятницы вступаю в ряды маминых сотрудников. Хотя какой загорать? Надо придумать, что надеть.

– У тебя же есть Изао!

– Ну я же так, только пофлиртовать. Мне восемнадцать лет, по-твоему, я должна привязать себя дома к батарее и погрузиться в страдания по нашей нескорой встрече?

– Нет.

– Ну вот. Я просто развеюсь, только и всего.

– Ой, он скинул адрес. Это за городом, там озеро рядом. Тейка, нас пригласили на пикник, сто процентов.

– Поли, какой пикник? Прекрати уже сходить с ума.

– Значит, выбираю шорты. А ты?

– А я поеду так.

– В этом длиннющем сарафане? Ты в нем как бабка.

– Сама ты бабка, – вспыхиваю, приглаживая подол.

– А если этот парень там будет? Ты собралась соблазнять его в балахоне?

– Никого я не собираюсь соблазнять. Просто верну куртку и уеду.

– Я тебе уеду. Уедет она, совсем уже?! Возьмешь и брошишь меня там одну?

– Не думаю, что ты не найдешь компанию.

– Тея, только попробуй смыться.

Отмахиваюсь, потому что уверена, что сделаю так, как считаю нужным, и Полька меня не остановит.

В этот раз я решаю быть правильной. Поэтому на место мы добираемся на машине с водителем. Полинка, конечно, недовольна, и нам приходится оставить Игната на дороге, а самим тащиться к берегу озера по тропинке через сосновый бор.

– Так, надо позвонить Витале.

Именно это она и делает, звонит своему новому знакомому, который очень быстро приходит нам навстречу.

– Девчонки, привет, – он нагло целует Польку в щеку, тянется ко мне, но я отворачиваюсь.

Не люблю все эти слюни, плюс я вижу его первый раз в жизни.

– Привет, котик. Не обращай на нее внимания, Тея сегодня встала не с той ноги.

Он ржет, но при этом проворно стискивает Полинину ла-

донь в своей.

Мы выходим на поляну перед озером, где тусуется народ. Музыка, костры, смех и стоящие неподалеку машины, многие из них я видела в ту ночь на парковке.

Засматриваюсь на закат и, отстав от Виталика с Полиной, шагаю в противоположную от большого скопища людей сторону. Кидаю рюкзак под ноги и смотрю на водную гладь, в которой отражается красное солнце, обнимаю себя руками, замирая на самом краю крутого песочного берега, вдыхая запах свежей травы и подступающей ночи. Немного подаюсь вперед, уже хочу развернуться, как вдруг моя нога соскальзывает по мелким камешкам так быстро, что я не сразу понимаю, что почвы подо мной совсем не осталось.

Оказавшись под водой, трепыхаюсь, стараясь понять, насколько тут глубоко, задеваю ногой дно, такое склизкое, илистое, что хочется взвизгнуть. Вынырнув, распахиваю глаза и очень быстро иду к берегу, баламутя воду вокруг. Скрутив свои волосы, отжимаю их, словно тряпку, и расправляю сарафан, который облепляет мое тело. Нет, так не пойдет, нужно снять его и выжать. Озираюсь по сторонам и, отойдя еще дальше, стараясь скрыться за деревьями, стягиваю его с себя. Выжимаю и слышу треск ветки, словно кто-то на нее наступил. Замерев, прикрываю голую грудь влажным сарафаном, вглядываясь в сумерки.

– И зачем ты меня искала?

Вопрос так неожиданно раздается за спиной. По телу про-

ходит волна колких мурашек, и я медленно оборачиваюсь на голос. Сталкиваясь с его наглым взглядом, пячусь. Становится неуютно, конечно, я стесняюсь. Но больше меня беспокоит то, что выгляжу я сейчас не очень. Мокрые волосы свисают на лицо, делая похожей на какую-то утопленницу.

– Отвернись, – вытягиваю ладонь, – мне нужно одеться.

Он не реагирует на мои просьбы, даже с места не двигается. Стоит тут, и пялится нагло, не скрываясь. Психую и, повернувшись к нему спиной, дрожащими руками натягиваю сарафан, который несколько раз чуть не падает на землю. Выдохнув, прикрываюсь ладонями, вновь сталкиваясь с ним взглядами.

– Это хамство, – упираюсь пальцем ему в грудь.

– Зачем искала? – отводит мою руку, но продолжает ее сжимать. У него теплые пальцы, а у меня стучат зубы, ночь выдалась ветреной, еще немного и мои губы посинеют.

Он меня игнорирует, точно издевается. Раздражаюсь все больше. Вырываю свою ладонь и, подбежав к рюкзаку, вытаскиваю из него куртку.

– Хотела вернуть, – со всей силы швыряю в него, замечая на его лице мелькнувшую усмешку.

– Это было необязательно, – закидывает джинсовку себе на плечо и, развернувшись, идет в сторону толпящихся у костра людей.

Он правда сейчас взял и вот так ушел? Мне все это не привиделось? На губах застывает немой вопрос: «Куда ты?».

Дернувшись, растираю шею ладонью, чувствуя, как капли воды скатываются в ложбинку между грудями, и продолжаю смотреть в его спину, а после срываюсь с места. На ходу скручиваю пучок из своих волос и, вернувшись к людям, отыскиваю Полю. Она сидит на капоте машины, по-королевски принимая ухаживания Виталика.

Смотрю на нее, отчетливо понимая одно – я сюда столько перлась не для того, чтобы меня проигнорировали. Такого никогда не было. Никогда.

– Ты откуда такая... – Полина осматривает мой внешний вид немного ошарашенно, – мокрая?

– Упала в озеро.

– Серьезно?

– Более чем.

– И что? – уныло. – Мы домой, да?

– Ага, конечно. Никуда я теперь не поеду.

После его выходки я точно отсюда не уйду. Ни за что!

Кручу головой, замечая его поодаль, в компании нескольких человек, и сжимаю руки в кулаки. Я, между прочим, рассчитывала на банальное «спасибо», но он, он смог выбесить настолько, что в голове то и дело промелькивают планы коварной мести.

Он смотрел на меня как на пустое место. С презрением. Ни за что это ему не прощу, ни за что!

– Тей, все хорошо?

– Нет, – смотрю за Полинину спину, где расположился Ви-

талик, разговаривающий с каким-то парнем. – Хотя мне нужно приглядеть красавчика...

– Виталя сказал, что...

– Потом, лучше помоги мне выбрать красавчика.

– Так, я не буду спрашивать, что случилось, да? – Поли прыгивает с капота и, сложив руки на груди, сканирует взглядом присутствующих здесь парней. – Вон, смотри, там, у дальнего костра...

– Темненький, в красной футболке? Пойдет.

– И что ты задумала?

– Ничего, просто повеселюсь. Мы же на пикник приехали.

– Тея...

– Все, – смеюсь, – не буду вам мешать.

Полька еще что-то говорит, но я уже выдвинулась в сторону bruneta, чувствуя на себе такой знакомый и слегка раздраженный взгляд. Он смотрит, и это хорошо.

Выдыхаю и со счастливым лицом появляюсь перед парнем в красном.

– Привет, – взмахиваю рукой, но он как-то безэмоционально пробегает по мне глазами, – я Тея.

– Слушай, меня там звали. Прости.

Извинившись, он уходит. Хмурюсь. Это как понимать? Ладно, иду к стоящей неподалеку компании, которая так же рассыпается по сторонам от моего присутствия. Ощущение, что они все намеренно меня игнорируют.

– Аспид, – слышу женский голос.

Оборачиваюсь и вижу повисшую на моем знакомом девицу в коротких джинсовых шортах. Он проводит рукой по ее спине, при этом неотрывно глядя мне в глаза. На губах ухмылка и что-то еще... триумф, победа. Но в чем? Осматриваюсь, понимая, что стою совсем одна. Стоп, неужели...

Задрав голову, широким шагом иду к нему. Аспид, значит, змеюка недоделанная. Это он, сто процентов он что-то всем им наплел.

– Не много ли ты на себя берешь? – толкаю его в плечо, оказавшись напротив.

Девушка выпучивает глаза, задавая вопрос, кто я такая.

– Думаю, тебе лучше свалить домой, Тея. Не для тебя компания, – пожимает плечами.

– Я сама буду решать, что для меня, а что нет, – для убедительности не хватает лишь топнуть ногой.

– Грозно. Карин, я сейчас подойду.

Он что-то шепчет ей на ухо, улыбнувшись, и девчонка отходит в сторону. Наблюдаю за ее походкой, но быстро возвращаю все свое внимание к этому... Аспиду.

– Что я тебе сделала? – решаю сменить гнев на милость, возможно, он объяснит свои дурацкие мотивы.

– Я просто не хочу тебя здесь видеть. Уходи.

– Ты сейчас серьезно?

– Более чем.

– Ну конечно, я уйду. Прямо сейчас, ага, не дожде...

Договорить не успеваю, он хватается меня за руки и тянет

на себя.

– Давай, принцесса, свали в свой розовый мир, здесь тебе делать не-че-го.

– Тебя так задевает, кто я? – склоняя голову вбок.

– Нет, но ты меня раздражаешь.

– Тогда я непременно останусь, – вскидываю бровь, – ведь это так логично, помогать той, кто тебя раздражает, правда?

– Я тебя пожалел, не обольщайся.

– Ну да, – киваю, – все так и было. А я пожалела тебя и попросила папу вытащить из той конуры.

Он дергает меня за руку, и я впечатываюсь подбородком в его плечо.

– Хотя, знаешь, оставайся, – шепчет. Его ладонь касается моей спины, вторая убирает прядь со лба. Чувствую чужие пальцы на своей коже и замираю, кажется, даже не дышу, абсолютно не понимая, что за чертовщина со мной происходит. Запрокидываю голову и не могу оторвать глаз от его лица: длинных, полуопущенных ресниц, ярко выраженных скул, дернувшегося кадыка.

Внутри пожар, стискиваю зубы и слышу, как бьется мое сердце, так быстро, громко.

Он склоняется ближе, обхватывает мои щеки, и я ему это позволяю. Позволяю провести большим пальцем по губам, а после поцеловать. С напором и чувством жуткого всепоглощения, когда картинка вокруг меркнет, а звуки затихают.

Сжимаю ткань мужской майки в кулаки, подаюсь вперед,

приподнявшись на мыски, и ни черта не соображаю. Все становится таким неразборчивым. Закрываю глаза, проваливаясь в негу удовольствия, вдыхаю запах его туалетной воды, чувствуя легкое головокружение.

Я растворяюсь в моменте, напрочь забывая о том, что я его не знаю, о том, что он чужой, и, конечно, о том, что я никогда так не поступала. Не целовалась на первых свиданиях, не злилась на незнакомца, потому что он не обратил на меня своего внимания... Никогда. Меня немного ведет, ровно в тот момент, когда он резко отстраняется.

Смотрю на него помутненным взглядом, абсолютно не понимая, что происходит.

– Теперь точно свободна, ведь ты же ехала сюда за этим. Прости, но на большее у меня сегодня нет времени. Трахну тебя в следующий раз. Если, конечно, захочешь.

Он смотрит на меня зло, улыбается, но глаза выдают его ярость. Опускаю взгляд, чувствуя себя полной дурой. Униженной дурой. Он решил, что я на него вешаюсь...

– Леша, ну ты идешь?

Голос Карины вклинивается в создавшуюся тишину, и она назойливо повисает у него на плече.

– Что с ней? – кивает на меня.

– Ничего. Тея уже уходит.

Глава 5

Аспид

Хочу свалить отсюда раньше, чем она разревется, мне не нужны эти проблемы, и она не нужна. Эту мысль я внушаю себе уже больше нескольких суток. Разве такое бывает, когда для того, чтобы помешаться на девчонке, достаточно одного взгляда? Там, в этой чертовой беседке...

Она все еще стоит напротив, злится и после минутной заминки со всей дури отвешивает мне хлесткую пощечину, привлекая к нам всеобщее внимание. Карина начинает верещать, а все, что остается мне, сжать кулаки, сесть на байк... исчезнуть. Гребаный Виталья, какого он вообще ее сюда позвал? Купидон, мать его.

Выезжаю на дорогу, замечая стоящий на обочине мерс, и топлю на максимум. Скорость может успокаивать, когда тебе хреново, единственное, что спасает, это скорость и попавшая в ворота соперника шайба. Дикий азарт.

Но сейчас даже это не помогает. Перед глазами она – ее мокрое платье, так сексуально обтягивающее фигуру, и мой каменный стояк. Невероятно сносит крышу от каждой встречи с этой девочкой. У Тейки шикарное тело, соблазнительные ноги, упругая стоячая грудь с заостренными от холодной воды сосками, хочется задеть их пальцами, словно невзначай. Провести ладонью по длинной, тонкой шее,

погружая язык в ее рот, медленно раскрывая пухлые розовые губы. Забыться, стереть из своей башки все сомнения и остаться с ней, разрывая ткань полупрозрачных трусиков одним движением. Но вместо этого я держал руки при себе, стискивая зубы и делая вид, что мне все равно.

Я хочу ее. В своём сознании, я давно ее заклеил, объявил для всех табу на общения с ней. Сейчас и здесь, она только моя, как и на той парковке. Я бы ещё сотни раз попал в кпз, будь она где-то рядом.

Легкие до сих пор забиты ароматом духов, смешанным с ее собственным запахом. Что-то сладкое, едва уловимое, с примесью наивности и чистоты, что-то слишком возбуждающее.

Возможно, я перегнул палку, но так будет правильнее, честнее по отношению к нам обоим. Она живет в другом мире, когда-то он был и моим, – было слишком давно. Тогда я этого не ценил, был уверен, что так будет всегда, что отец будет жив и моя реальность не перевернется с ног на голову в одночасье, но я ошибался, слишком сильно ошибался.

Иногда для того, чтобы оказаться на самом дне, хватает мгновения. Щелчок пальцев, и все покатится в ад.

Паркуюсь у дома и еще какое-то время смотрю на темные окна нашей квартиры. Ладонь скользит по гладкой поверхности байка, и я в очередной раз убеждаюсь, что это единственная материальная вещь из моей прошлой жизни. Подарок отца на восемнадцатилетие...

Дома, не включая свет, иду на кухню, разбираю диван и не раздеваясь ложусь спать, подмяв под голову подушку.

Стоит прикрыть глаза, как меня вновь оттаскивает на пару лет назад. Я хорошо помню ураган той ночью, именно он подхватил пламя и объял дом огнем, который выгорел как спичка, пожарная машина не успела. Когда они приехали, тушить уже было нечего.

Меня спасло собственное отсутствие. Я был в клубе, прожигал жизнь, не задумываясь о таких «мелочах», как смерть. Но утро открыло новые реалии. Отец погиб... Они с мамой были в спальне. Когда почувствовали запах и проснулись, весь первый этаж уже был охвачен огнем.

Бежать некуда. Только окно. Он вытолкнул маму, уверенный в том, что кусты смягчат ее падение, абсолютно не зная, что садовник в тот день оставил там кукую-то телегу. Сам же хотел спасти лающего Персика. Аськин корг, с которым она так не хотела расставаться, отчаливая в летний лагерь. Собака была в комнате сестры. Когда отец туда пошел, рухнула крыша правого крыла, как раз в районе наших с сестрой спален.

Ночь выдалась странной, в доме не было ни прислуги, ни охраны. Никто не помог, а с наступлением дня все, кто когда-то были друзьями, отвернулись. Вскрылись подробности отцовского бизнеса, банкротство и еще вал различной ереси, в которую я не верил и не верю до сих пор. Имущество ушло за долги, остатки денег – на то, чтобы оплачивать мамино ле-

чение и дальнейшую реабилитацию. Врачи высосали из нас все до последней капли, убеждая, что она будет ходить, будет... но и через три года она не встала.

Будильник трезвонит в шесть. Я успеваю поспать всего пару часов, наспех принимаю душ и еду на свою первую тренировку в новом клубе. Неделью назад подписали контракт, Марченко сам на меня вышел, заметил на моей крайней игре, а я даже не был в курсе, что кто-то приезжал на просмотр.

Конечно, это не КХЛ, но второй дивизион под эгидой Федерации хоккея – сейчас как глоток свежего воздуха.

В раздевалке оказываюсь одним из первых. Влиться в новый коллектив не составит труда, у меня никогда не было с этим проблем. Поэтому к началу тренировки на льду я уже примерно знаю всех по позициям. Тринадцатый – сильный игрок, нападающий, в тройке с ним будет очень легко сыграть. Он быстрый, но я быстрее. Скорость и хорошая реакция – это практически дар, и он у меня есть. Если не он, я бы не играл.

Принимаю шайбу и, не растрачиваясь на передачу, бью по воротам крайне осмотрительно, но она залетает точно в цель. Слышу свисток тренера, а после его наставления о безалаберности. В какой-то момент игра становится жестче, они явно прессуют, проверяют на вшивость. Выдержу ли? Но я знаю одно – выдержу. У меня есть цель, в стремлении к которой я зубами вырву свое место под солнцем. Оно мне необходимо, впрочем как и всем присутствующим. Хочешь, что-

бы с тобой считались, покажи, на что ты способен, выдай свой максимум и преодолей предел. Сказать всегда проще, чем сделать, но разговоры – это пустое. Действия – вот главная тактика достижения любой поставленной задачи.

Подъезжаю к бортику, снимая шлем.

– Тренировка закончена. Кирсанов, зайди потом ко мне.

Киваю и следом за командой иду в раздевалку.

– Леха, да ты кремень. Василек тебя как только ни давил, –

Фил ухмыляется и ударяет меня по плечу.

Между парнями начинаются привычные разговоры, в которые я не вникаю.

– Мужики, надо это дело отметить. Готов к посвящению?

– Всегда готов, – убираю руки в карманы, собираясь уходить.

– Тогда общий сбор в десять. Где «Молекула», знаешь?

– Найду.

– Ну все, забились.

Киваю и широким шагом направляюсь в тренерскую, где меня ждет Марченко.

– Виктор Константинович...

– Проходи. Садись. Хорошо, очень хорошо. Будешь продолжать в том же духе, может, через месяцок-другой поставлю в основной состав. Команда у нас сыграна, и я надеюсь, ты в нее вступишь.

Марченко еще что-то говорит, но я только делаю вид, что слушаю, на самом деле и так прекрасно знаю все то, что он

хочет, а главное, считает должным до меня донести.

– Я понял.

– Ну и отлично. Тогда жду на вечерней тренировке.

– Спасибо, Виктор Константинович.

– И бросай курить, несет, дышать невозможно.

– Понял, – ухмыляюсь и выхожу за дверь.

Пока иду по коридору, чувствую прилив невзначай нахлынувших эмоций, воспоминаний. Не могу точно сказать, когда началась эта любовь к хоккею, но в семнадцать я уже был подающим надежды хоккеистом, верил, что через год буду играть в составе одной из топовых команд КХЛ, громко заявлю о себе, попаду в сборную, а в двадцать свалю в НХЛ. Но мечты жестко ударились о реальность. Говорят, нельзя совершить прыжок в прошлое, а я, кажется, совершил.

Иногда обстоятельства привносят в твою жизнь то, от чего ты не можешь спрятаться. Они оказываются сильнее, давят, выкручивая руки, и в какой-то момент ты лишаешься ориентира, сил, начиная медленно сливаться. Ты четко знаешь, почему так происходит, почему больше не тянешь, не можешь. Башка забита проблемами, они разъедают в груди огромную дыру, словно в тебя плеснули кислотой. Ты corriшься от душевной боли и перестаешь верить, промахиваешься, становишься медленней, а как итог садишься на скамейку запасных.

Я, как сейчас, помню свою последнюю игру после смерти отца и травмы матери. Полная прострация, белый пустой

лед, словно я там один, жуткая пульсация в висках и агония. Она со мной постоянно, бешеная, неконтролируемая и разрушающая мою личность сила. Нескончаемая энергия ярости с привкусом боли и собственной никчемности.

Уже давно включен режим саморазрушения, что бы я ни делал – пустое. Трагедия поглощает, и в какой-то момент я просто больше не могу думать о чем-то кроме этого. Смотрю на шайбу, но заведомо знаю, что промахнусь. Знаю. Чтобы прийти в форму, мне понадобился год. Начинать в двадцать, словно с нуля, это колоссальный труд, требующий выдержки.

Сейчас мне двадцать три, и я, наверное, все так же далек от своей первоначальной цели, но я должен двигаться вперед. Должен вырваться из этого болота, должен освободить мать и сестру от этой бесконечной муки. Должен!

Спустившись в холл, замечаю девчонок-чирлидерш, хочу пройти мимо, но взгляд сам цепляется за нее. Проклятье какое-то. Какого черта она тут скачет в этих шортах? Упираюсь плечом в квадратную колонну, наблюдая за тренировкой.

Меня сглазили? На этой мысли Тея резко оборачивается в мою сторону, оступает и падает на пол, морщит нос, быстро растирая лодыжку. Запрокидывает голову, озлобленно смотря на меня, вокруг нее сразу собирается толпа девчонок, позволяя мне благополучно свалить отсюда как можно дальше.

Сбегая по ступеням, задаюсь единственным вопросом: почему я с ней постоянно сталкиваюсь?!

Захожу в магазин, быстро набираю корзинку продуктов. Дверь в квартиру открываю своим ключом, звонить смысла нет. Мама дома, но я не хочу причинять ей дискомфорт. Перешагнув порог, не разуваясь иду на кухню, вымою пол перед вечерней тренировкой. Методично опустошаю пакет, раскладывая продукты по шкафчикам, слышу скрип половиц позади.

Оборачиваюсь и мгновенно сталкиваюсь с робкой улыбкой.

– Давай я тебе помогу, – огибаю инвалидное кресло, останавливаясь за ее спиной, – надо снести эти дурацкие пороги.

– Сыночек.

Стискиваю зубы, потому что меня перетряхивает от ее голоса, он пропитан благодарностью, именно ею.

Мама всегда была такой – жертвенной, слишком доброй и всегда в меня верила, даже эти полгода, когда все мои шайбы летели мимо ворот. Наверное, тогда только она и верила.

– Ты опять брал подработку? Мирон заходил... он вновь подбивает тебя на этот кейтеринг?

– Как оказалось, это даже выгодно, – неопределенно взмахиваю рукой.

– Тебе нужно много тренироваться, а ты занимаешься всякой ерундой. Если боишься за меня, то не стоит, я не пропаду. Одна сломанная жизнь – это неприятно, а вот две – это уже слишком.

В прихожей слышится шум, Аська дергается под играющую в наушниках музыку, скидывая кроссовки, а ровно через секунду и рюкзак, он летит туда же, на пол.

– А вы тут чего, – вытаскивает из уха наушник, – что-то случилось?

Сестра целует мать в щеку и усаживается на стул, продолжая на нас поглядывать.

– Все хорошо, доченька, мы тут так, о жизни.

– М-м-м, ну ладно. Кстати, я устроилась на подработку в детское кафе, буду шарики из мороженого катать. Здорово, правда?

Мама улыбается, но это только образ. В глазах беспроектная печаль и непомерное чувство вины. Она почему-то считает, что виновна в том, что со всеми нами произошло...

– Здорово... но, может быть, ты насладишься летом? Ты еще подросток, Ася.

– Ой, мам, я справлюсь. К тому же со мной в паре будет работать такой симпатичный мальчик.

– Чего? – мои брови автоматом ползут вверх.

– Мне уже шестнадцать, Лешечка, и мне уже могут нравиться мальчики, представляешь?

– Ты смотри, как бы твои мальчики без зубов не остались.

– Боже, и вот с кем я живу? – накрывает лоб ладонью. Мама качает головой, улыбается.

– Я сегодня вечером уеду, – говорю между делом, расписывая продукты по шкафам и холодильнику.

– Очередная подработка?

– Нет, вливаюсь в новую команду.

– Это хорошо.

– Возможно, – хмурюсь, стоя к ним спиной. – У тебя еще есть лекарства?

– Да, на неделю должно хватить.

– Куплю послезавтра.

– Спасибо.

– За это не благодарят. Я еще забегу за сумкой перед тренировкой.

Выхожу в прихожую, а после в подъезд. Спускаюсь по лестнице, натягивая шлем. Оказавшись во дворе, завожу байк. Всего пара улиц, и я у Виталика на сервисе.

Закатываю мотоцикл в гараж и, хлопнув этого валенка по плечу, сажусь рядом, на старое заднее сиденье его тачки. Его выкорчевали из салона месяц назад, и теперь оно вполне заменяет обычный диван.

– О, здорово!

– Здорово, – отвечаю на рукопожатие.

– Ты куда так быстро вчера свалил?

– Вот об этом нам с тобой и нужно поговорить. Какого хрена ты их позвал?

– Мне понравилась Полинка.

– Без претензий, но давай на будущее договоримся, что подружку свою она будет оставлять дома.

– А хорошо она тебе вчера по роже залепила. Мне даже

страшно, что ты ей наплел.

– Не твое дело.

– Да ладно, расслабься. Потуси с ней пару дней, и она сама сбежит, зуб даю. Принцесска твой гребаный характер просто не вывезет.

– Никаких подружек, надеюсь, ты меня услышал.

– Да понял, понял. Как первый день?

– Более чем.

– Проставишься?

– Тебе лишь бы нажраться.

– А что в этой дыре еще делать? Менты пасут, заезд не устроить, приходится как-то выживать.

– В выходные.

– Забились.

Виталик поднимается на ноги, чтобы взять из мини-холодильника бутылку фанты, сворачивает крышку, делая несколько жадных глотков, и слишком приторно улыбается после.

– Чего?

– Да так. Слушай, мне вот интересно, чего ты так на эту девчонку взелся? Красивая же.

– В том-то и дело, – бурчу себе под нос, – раздражает.

– Или запал?

– Поумерь фантазию.

– А до меня дошел слух, что ты всех на озерах построил. Якобы: и близко пусть к ней никто не суется.

– Слухи – вещь вредная, приводит к несварению.

– Значит, говорил.

– Слушай, у тебя других тем для разговоров совсем нет?

– Есть, но эта самая топовая. Я просто никак понять не могу, потусить с богатой девочкой – это ж весело. Плюс, если она сама к тебе липнет. Для нее же все, что у нас тут происходит, в новинку. На нее даже тратиться не придется.

– Я знал много богатых девочек, и поверь, все совсем не так, как тебе хочется думать.

– Черт, все забываю, откуда ты к нам свалился.

Виталик продолжает трепаться, а я вспоминаю наше с ним знакомство. Белов был первым, с кем я тут скорешился. Мы как раз въезжали в нашу однушку, после двухэтажного особняка происходящее казалось сюжетом каких-то ужасов: сорок квадратов, второй этаж в кирпичной пятиэтажке. Эта квартира когда-то давно принадлежала маминым родителям, в ней лет тридцать никто не жил, и, когда произошла трагедия, о ней не сразу вспомнили.

У меня кипел мозг, как жить дальше, а на чертовых лестницах не было даже пандуса. Все наши вещи свалены во дворе у скамейки, денег на грузчиков нет. Ни на что их нет. Аська сидит на чемодане, давится слезами и пытается сделать все, чтобы мама этого не увидела. У меня же ступор. Жесткий отходняк от новой реальности.

Белов первый предложил помощь, как оказалось, он жил этажом выше. С родителями и немецкой овчаркой. Первое

время тетя Валя, его мать, нам помогала. Милая женщина, вошедшая в наше гадское положение.

Тогда на льду все катилось в тартарары, к концу сезона я крепко обосновался в запасе. Ни черта не забивал. Пришлось уйти, тренировки отнимали много времени, а денег, как оказалось, мне платили сущие копейки. Пока папа был жив, я даже и не знал, сколько зарабатываю.

Пришлось работать, это было забавно, в особенности когда ты ничего не умеешь делать, но в жестких рамках ты быстро учишься, молниеносно...

Прошло уже шесть лет. Шесть лет, как мы здесь. Раньше я думал, что никогда не привыкну, сейчас иногда забываю, что вообще жил по-другому.

– Слушай, Аспид, сюда Польша едет, если не хочешь с ней пересекаться...

– Я сваливаю.

Вечером еду в «Молекулу», уютный бар, небольшая танц-зона, на которой крутятся девчонки. Сканирую взглядом помещение, замечая вытянутую руку Фила. Обозначает, где они. Очередные рукопожатия. На столе алкоголь, пьют многие, но я остаюсь в стороне. Мне не нужны проблемы сразу же, как я попал в команду. Тренер четко дал понять, что у меня есть перспективы, и я не собираюсь отклоняться от курса из-за пары стопок текилы.

– А, пацаны, я девчонок наших позвал, у них там набор

был. Надо познакомиться.

Улыбаюсь сразу после этих слов, лыблюсь как идиот, уже заведомо зная, кто сюда придет. По-другому же просто не может быть... Смотрю на распахнувшуюся дверь и толпу завалившихся в бар особ женского пола. Моментально выхватываю ее глазами, сам того не желая. Тейка меня не видит, а когда замечает, улыбка сползает с ее красивого лица ровно за секунду.

На ней слишком короткое платье, не закрывающее плечи. Светлые волнистые волосы собраны наверх, а на шее болтается какая-то золотая побрякушка. Я не вижу, но знаю, что ее прищуренные сейчас глаза зелено-карего цвета. Вытянутый, заостренный подбородок и слегка пухлые щеки. Она выглядит немного младше, чем есть на самом деле, если бы я не знал, что ей восемнадцать, принял бы за подростка. Но это лишь на лицо. Если опустить взгляд ниже...

Прим. автора: *КХЛ – Континентальная хоккейная лига (открытая международная хоккейная лига, объединяющая клубы из России, Белоруссии, Казахстана, Китая, Латвии и Финляндии, которые ежегодно борются за главный трофей лиги – Кубок Гагарина)*

ВХЛ – Высшая хоккейная лига (открытая международная хоккейная лига, одновременно являющаяся вторым по силе дивизионом профессионального хоккея России после КХЛ)

Глава 6

Теона

Ноги сами прилипают к полу, мне так хочется отсюда сбежать, но, пересилив себя, я делаю широкий шаг в сторону стола. Девчонки уже там, расселись и даже начали общаться. Еще в обед идея Эммы с черлидингом, с которым она решила завязать и засунуть меня на свое место, казалась мне бредовой, а когда я узнала, что ОН – новый игрок команды, – абсурдной. Я несколько часов провалялась на кровати в полной уверенности, что больше никогда туда не приду. К тому же ледовая арена сейчас ассоциируется у меня лишь с болью. Боль от травмы и своего провала. Но, так как я решила отказаться от тренера и сделать тайм-аут, попрыгать в группе, поддерживая свою форму, не самый плохой вариант, не самый, если бы там не было его.

Только вот, несмотря на все свои внутренние протесты, я сейчас в этом баре для того, чтобы влиться в команду девчонок и познакомиться с хоккеистами. Насколько я адекватна?

Наверное, большое влияние на меня произвели мамины слова о том, что не стоит сбежать от того, что тебя заинтересовало, из-за одного неприятного человека. Гоняя ее слова в голове, я пришла к выводу, что она права. Если я так его раздражаю, пусть сам сваливает. Почему это должна делать я? Облезет.

Подхожу к столу, мило улыбаясь присутствующим. Здесь несколько полукруглых диванов, и, чтобы занять место, мне приходится пробираться через людей, плотно прижавшись к столику.

По закону подлости, чтобы попасть на свободное, я вынуждена протиснуться и мимо него тоже. Пальцы сами впи-
ваются в крышку стола, и я достаточно быстро перебираю ногами, не хочу его видеть и прикасаться к нему не хочу. Нутром чувствую, что он позади. В попытке ускориться за-
деваю каблуком нос его кроссовка. От понимания того, что у меня есть всего лишь два варианта: завалиться лицом в ка-
кую-нибудь тарелку или же ему на колени, заглушаю внут-
ренний протест, чувствуя, как его ладони удерживают меня за талию, а сама я плотно прижимаюсь пятой точкой к его паху.

– Ты все еще не научилась ходить. Как вообще можно тан-
цевать с такой координацией?

Мой конфуз, конечно же, привлекает внимание окружаю-
щих. Улыбаюсь и, отцепив его ладони от себя дрожащими
пальцами, соскальзываю с чужих коленей.

– Отвали, – задираю подбородок и сажусь рядом. Кто-то
очень любезно отодвинулся, предоставляя мне место. Прок-
лятое место.

– Вы знакомы? – чужой голос сбоку заставляет вздрог-
нуть.

– Нет, – почти выкрикиваю, слыша, как поверх моей речи

накладывается еще одна.

– Мы знакомы, – он говорит это с ухмылкой и делает глоток того, что налито в его стакане.

– Я думала, спортсмены не пьют, – шиплю, поправляя бо-соножку.

– Это сок, – пожимает плечами и демонстративно отворачивается к Рите. Нашей солистке. Между ними завязывается милая беседа, а я готова взорваться от злости.

Это было слишком опрометчиво – прийти сюда. Хочется встать, сесть в машину, которая стоит на парковке, и уехать домой. Хочется, но я продолжаю здесь сидеть. В какой-то момент меня отвлекают разговорами. Я потихоньку знакомлюсь с присутствующими, и Фил предлагает мне потанцевать.

Радостно соглашаюсь, а когда выползаю, нарочно наступаю Аспиду на ногу, вжимаю каблук в нее и, ойкнув, говорю: – Прости.

Он так смотрит, что у меня перехватывает дыхание. Опаляющий взгляд, сводящий с ума. Ему даже делать ничего не приходится, а мое лицо уже покрывается багрянцем. Словно пуля вылетаю из-за стола, хватая Филадельфию за руку. Мы дергаемся под музыку, и все это время я чувствую, что Леша смотрит. Чувствую и нарочно выгибаюсь сильнее, улыбаюсь Филу, смеюсь над его плоскими шутками, лишь бы разозлить того, чьего внимания я так жду.

В этом я призналась себе сразу после поездки на озеро. Я

действительно хотела его внимания, а он...

Стискиваю зубы, а музыка сменяется на еще более быструю. Приложив ладонь к груди, покидаю Филиппа, сославшись на то, что ужасно хочу пить. У барной стойки беру мохито, а еще через пять минут вливаю в себя пару шотов. Напиваться я не собираюсь, просто мне нужно немного расслабиться, я весь вечер как на иголках, и это достало.

Когда смотрю на наш стол, понимаю, что Кирсанова там нет, да-да, я уже успела узнать его фамилию. Выдыхаю. Наконец-то все закончилось, теперь я могу вернуться и быть по-настоящему непринужденной. Правда, перед этим стоит заглянуть в туалет. Быстренько пересекаю зал и уже хочу дернуть ручку кабинки, как из соседней практически вываливается пара сплетенных тел. Закатываю глаза, делаю шаг, но замираю. Наверное, я сейчас стою с открытым ртом, но то, что я вижу, вводит меня в ступор.

Это он, он и наша солистка. Они пошло и грязно потрахались в женском туалете.

– Ты нас не видела, – Ритка подмигивает и, поправив свое платье, тянет его за руку к выходу.

Он словно нарочно задевает меня плечом. Запрокинув голову, вижу его наглую морду с этой гадкой улыбкой и резко отворачиваюсь.

– Хорошо, – шепчу в ответ Рите, оставшись уже одна, и часто моргаю.

Кажется, лучше уехать. Свалить отсюда, пока я вновь не

вляпалась в какую-нибудь хрень. Мою руки и, распрощавшись со всеми, целенаправленно иду на парковку.

– Девушка, уже уходите? – какой-то мерзкий тип преграждает мне путь, блокируя его своими руками. – Может, познакомимся?

– Я спешу.

– Это недолго.

Его лапа врзается в мое плечо, сжимает, и я со всей силы толкаю его в грудь.

– Охренела?

– Отвали.

– Не шути со мной, сучка.

Блеск лезвия ножа заставляет окаменеть. Это же приличное заведение, откуда здесь подобные экземпляры? Хотя, судя по внешнему виду, он богат и просто наслаждается своей вседозволенностью.

– Руки от нее убери.

Вздрагиваю и во все глаза смотрю на стоящего за спиной этого урода Аспида.

Он так быстро оказывается рядом, отталкивает меня за свою спину, выбивая нож из рук придурка.

– Охрану позови, – бросает озлобленный взгляд. – Чего встала? Охрану зови.

Часто киваю и, отлепившись от стены, бегу за секьюрити. Двое широкоплечих мужчин быстро нейтрализуют нарушителя всеобщего спокойствия, утаскивая отсюда подальше.

Завожу руки за спину, робко поднимая взгляд к его лицу.

– Спасибо.

– Мне не нужна твоя благодарность.

– Мог бы пройти мимо, – пожимаю плечами.

Астид

Мог бы пройти мимо? Мог бы? Дура. Какая же она дура!

Сжимаю руки в кулаки, чтобы не сказать этого вслух.

Взгляд сам шарит по ее телу, адски соблазнительному, провоцирующему эрекцию. Если бы она не извивалась, пока танцевала, я бы не пошел с Риткой, а так с каждым ее движением моя выдержка только слабела. В какой-то момент стало похер на то, что будет дальше. Я готов был утащить Тейку оттуда в любой темный угол, задрать эту тряпку, отдаленно похожую на платье, и... сжимаю пальцами переносицу, чтобы избавиться от волнующих картинок.

Рита появилась так вовремя, отчетливо давая понять, чего хочет. Ровно того же, что и я. Только не с ней, хотя какая, к черту, разница? Сейчас все будут не те. Все. Азарт пропал сразу, как мы с Риткой оказались в кабинке, не торкает она. Совершенно. Останавливаю все это действие, предлагая поехать к ней, сам же, знаю, что свалю отсюда сразу, как только мы выйдем. Когда вижу Тею, убеждение в этом крепнет. Она очень вовремя зашла, мысли обязательно заведут ее в правильное направление. Как раз то, что мне нужно.

– Нормально с тобой все? – задаю вопрос, чтобы отвлечься, и оставляю ее реплику без ответа.

– Да.

Киваю и хочу уйти. Разворачиваюсь к ней спиной, делая шаг, несколько десятков сантиметров, и она цепляется за мою ладонь в желании остановить. Чуть резче, чем стоило, дергаю рукой, чтобы ее пальцы слетели, не касались моей кожи.

– Не трогай меня, – смотрю в ее бегающие глаза и чуть расширенные зрачки. – Какого черта ты вообще...

Чувствую ее губы на своих, соображая, что она меня целует. С напором, прижав раскрытые ладони к моим щекам, и от этого злюсь еще больше. Она застает врасплох, и мне это нравится. Хочется отпустить себя, но вопреки, я довольно грубо отдираю ее от себя. С болью, как тот самый пластырь.

Тея нервно оглядывается по сторонам, но не отстраняется, продолжает стоять критично близко.

– Я чувствую это, уже не в первый раз, – опускает взгляд к ширинке на моих джинсах. – У тебя либо спермотоксикоз. Либо ты сходишь от меня с ума.

– Не льсти себе.

– Конечно-конечно. Давай переспим, Лешенька, давай. Если тебе действительно настолько пофиг, то давай как с Риткой.

Каждое ее слово как приговор. Она, словно сканером, считывает мой раздрай, продолжая бить в одну и ту же точку.

– Свали отсюда, – отодвигаю ее в сторону.

– Вот об этом я и говорила. Именно об этом. Тебе далеко

не плевать, ты просто трусишь, вот и все.

Она самодовольно улыбается, показательно сложив свои тонкие руки на груди, в полной уверенности, что попала в цель. С убеждением, что права.

– Ладно, – передернув плечами, тяну ее подальше отсюда.

Толкаю, и она влетает в стенку здания спиной, здесь темно и нет камер, впрочем как и людей.

– Я же говорил, что если ты захочешь, то в следующий раз я обязательно тебя трахну? Так вот, этот раз настал.

– Настал.

Обвивает мою шею и приподымается на носочки. Близко, запретно, желанно. Дергаю лиф платья вниз, оголяя грудь, и, круто развернув ее к себе спиной, вжимаю в холодную стену. Она пытается сопротивляться, но я давяю все сильнее, чтобы напугать. Ее выходка сработала именно так, как она того и хотела, я не могу остаться в долгу. Я хочу, чтобы она ушла, и она уйдет, сбежит.

– Мне больно, – шипит, отталкиваясь от стены.

– Пофиг. Снимай трусы.

– Что?

– Тогда это сделаю я, – задираю платье, отчетливо понимая, что ее трясет, останавливаюсь. Убираю руки, одергивая подол вниз. Что я делаю? Творю какую-то херню. Прохожусь по округлым бедрам, выше, аккуратно натягивая лиф на ее грудь. Она часто дышит, глубоко. Я действительно ее напугал. Сжимаю подрагивающие плечи, упираясь носом в ви-

сок. – А если бы я действительно это сделал?

– Не сделал бы. Не так, уж точно. Я верю тебе, Лешенька, – ее рука ложится мне на грудь, где-то в области сердца, – и совсем не понимаю, что со мной? Почему я так себя веду? Зачем прихожу к тебе сама? Постоянно...

– Езжай домой.

– Нет, – вертит головой в отрицании, – если ты сейчас не продолжишь, я сделаю выводы. Те, которые тебе не по душе. Я тебе нравлюсь. Скажи это.

Ее речь звучит утверждающе, вынуждая уголки губ дрогнуть в улыбке.

– Ты ушел с Риткой, потому что хочешь показать мне свое безразличие. Но я его не чувствую, его нет. Тогда в чем проблема? Я не понимаю, Леша.

– В том, что ты ошибаешься. Ты видишь то, что хочешь, но не то, что есть.

– Правда? – ее пальцы скользят по моей шее, заставляя кадык дернуться, а тело напрячься. – Ты нервничаешь? – прищуривается. – Сначала я думала, что раздражаю тебя, а теперь... если меня бесит человек, я не смотрю на него так.

– Как? – сильнее сдавливаю ее под ребрами.

– Так, как это делаешь ты, если рядом есть я. Больно.

Ослабляю давление на ее кожу и окончательно теряю контроль.

– Может быть, ты и права...

Огибаю ее талию рукой, подтягивая к себе, довольно рез-

ко впиваясь в губы.

Тея

Зачем я это делаю, зачем говорю? Не понимаю, не знаю. Мне должно быть противно, мерзко, но мне нет до этого дела. Я просто лечу вниз, отключаюсь. Сумасшедшее состояние, дрожь и какая-то невообразимая тревога.

Тело наливается тяжестью, кладу ладони на его плечи и закрываю глаза, ввязываясь в тягучий и такой долгий поцелуй. Крепче сжому ноги вместе, стараясь заглушить или хотя бы ослабить болезненную пульсацию. Каждая мышца напряжена до предела, я на грани, на самом краю...

Зачем он все это со мной делает, напрочь лишает рассудка? Я теряюсь в собственном сознании, не понимая, что будет дальше. Кажется, того, что я натворила сегодня, хватит на ближайшие несколько лет. Но тот трепет, что усиливается во мне от его прикосновений, сводит все мои протесты в ноль. Я словно помешанная цепляюсь за него, как за спасательный круг, и не хочу отпускать.

После увиденного и услышанного я должна была уехать. Сразу, не оглядываясь. Но я продолжаю стоять здесь, в этом темном углу, хватать воздух в диком желании остаться рядом с ним как можно дольше.

Переплетаю наши пальцы, прикасаясь губами к его шее. Он вздрагивает, крепче сжимая свои руки вокруг моей талии. Веду по внутренней стороне его локтя выше, прикладывая ладонь к груди. Часто дышу.

– Иди домой, – шепчет, и я невольно улыбаюсь.

– Зачем? Почему ты постоянно меня прогоняешь?

– Давай поговорим обо всем завтра. Сейчас не время и не место, – оглядывается.

– Ладно. Пообещай, что мы поговорим завтра.

– Обещаю.

Чувствую его улыбку, мгновенно ее зеркала.

Он провожает меня до машины, можно сказать, сдает Игнату и уходит. Просто разворачивается и растворяется в сумраке ночи. По дороге до дома я догрызаю маникюр и с отвращением смотрю на свои пальцы. Жуть какая-то.

Мама еще не спит. У нее есть такая ненавистная мне привычка – дожидаться, когда же я появлюсь дома. Папа в командировке, а потому мамуля готова ждать меня в столовой хоть до самого утра. Хотя я предупредила, во сколько вернусь, куда иду и кто там примерно будет.

Сбрасываю босоножки у двери, вставая голыми ступнями на холодный глянцевый пол, чувствуя дикое облегчение. Тру шею, мельком замечая в зеркале выступивший на коже засос.

– Черт, – вытаскиваю тональный и наспех замазываю эту красоту.

– Тея, – мама, закутанная в плед, выходит из гостиной и, прикрыв рот ладошкой, протяжно зевает, – я уснула, пока тебя ждала.

– Мам, ну я же сказала, что ненадолго. Ложилась бы. К тому же рядом был Игнат и волноваться совершенно не о

чем.

– Ладно, не дуйся, я просто беспокоюсь. Пошла спать тогда.

– Давай, – целую в щеку и заворачиваю на кухню. Ужасно пересохло в горле. Наливаю в стакан минералки и делаю несколько глотков, облакачиваясь на столешницу.

Конечно, я и сама не поняла, что сегодня произошло, но один вывод для себя сделала точно. И уже завтра он узнает какой.

Спать ложусь в дичайшем ожидании утра. Мне просто не терпится оказаться на тренировке, точнее, в здании ледовой арены после нее.

Проспав два будильника, ношусь по комнате словно ураган, завтракаю уже в машине, по дороге на репетицию. Первая, кого я встречаю в раздевалке, это Ритка. Она натягивает майку и, заметив меня, слегка ускоряется, завязывает волосы в высокий хвост.

– Доброе утро, – зеваю, расшнуровывая кроссовки.

– И тебе. Слушай, ты не в курсе, куда вчера Леха пропал?

– Я думала, тебе это лучше знать, – улыбаюсь, открывая свой шкафчик.

– Ты про туалет? Ага, не было ничего. Сам туда затащил, а потом сказал, что лучше поехать ко мне, как итог он тупо слился. Козел!

Рита так эмоционально размахивает руками, что становится похожа на вентилятор.

– Бывает, – пожимаю плечами.

– А ты чего так рано сбежала?

– Скучно.

– Надо было больше пить.

– Не мое, – морщу нос. Не представляю, что бы я вчера вытворила, если бы еще и напилась.

– У тебя, кстати, неплохо получается. Эммка нашла себе достойную замену. Как она?

– Ходит на подготовительные дизайнерские курсы. Вся в творчестве.

– Да, она такая, идейная.

– Не то слово, – заплетаю косичку, а в раздевалку вваливается еще несколько девчонок.

– Так, пошлите разминаться, – командует Ритка и тащит меня за собой, сжав ладонь. – Слушай, вы же с Кирсановым знакомы, как я поняла. Может, ты мне поможешь?

– В чем?

– Он мне понравился, и я...

– Рит, я не буду этого делать.

– Почему?

– Потому что сама до сих пор не решила, нужен он мне или нет.

– Так у вас отношения?

– Нет.

– Значит, если я попробую, то не влезу в вашу пару? Правильно понимаю?

– Пока да.

– Пока?

– У нас репетиция, – поджимаю губы, делая несколько шагов назад.

Значит, он с ней не спал. Не спал, потому что в туалете ниже его достоинства или просто потому, что нарвался на меня с тем придурком, которого увела охрана?

Хотелось бы это выяснить, но думаю, что в ближайшее время мне будет не до этого. У меня есть план и даже через не могу я буду его придерживаться. Подпрыгиваю на месте, разводя руки в разные стороны, и широко улыбаюсь. Сейчас самое сложное для меня – это делать элементы синхронно с остальными девочками.

– Тея, посмотри пару минут, не попадаешь ни в одно движение, – прилетает от Ритки.

Сцепляю пальцы в замок за своей спиной, отступаю. Она сейчас придирается или я реально так сильно туплю? Ладно, разберемся с этим позже. Обернувшись, замечаю хоккеистов, у них была земля¹, и они довольно шумно возвращаются в раздевалки.

Резко перевожу взгляд на Риту, и она жестикулирует мне, мол, возвращайся обратно.

Наскакавшись до потери пульса, принимаю душ и, не желая сталкиваться с нашей солисткой, перебежками двигаю на улицу. Нужно еще к Поле заехать, узнать, как проходят ее трудовые будни.

Закидываю рюкзак на одно плечо и, хлопнув дверью, собираюсь поставить ногу на первую ступень. Собираюсь, но моя ножка так и висит в воздухе. Оборачиваюсь, чувствуя, как он рывком, сжимая мое запястье, тащит на себя.

– Ты хотела поговорить, – разворачивает лицом, отпускает и складывает руки на груди.

– О чем? – морщу лоб и чешу затылок. – Ты меня с кем-то путаешь?

В его глазах мгновенно вспыхивает огонь. Он хмурится и офигевает одновременно. Так-то лучше, а то слишком много гонора.

– Ты сама вчера...

– Я? Я вчера была не в себе, – провокационно кусаю нижнюю губу. – Прости, очень спешу. Давай как-нибудь в другой раз, ладно?

Мило улыбаюсь напоследок, стараясь незаметно сглотнуть вставший в горле ком от его морозного взгляда. Кажется, он готов придушить меня ровно здесь и сейчас.

– Пока, – машу рукой и, скрипнув кроссовками, разворачиваюсь к нему спиной, сбегая вниз. Главное – не оборачиваться, не оборачиваться.

Пулей залетаю в машину и, нервно растирая щеки, прошу Игната поскорее отсюда убраться. Я же все сделала правильно? После всех его выходов я была просто обязана спустить его на землю. Только почему мне так хреново? Радости я не чувствую, скорее разочарование. А ведь могла бы с ним по-

говорить... могла бы.

– Хорош страдать, – Полина протягивает мне лимонад со льдом и садится рядом, взгромоздив поднос на столик.

– Тебя не будут ругать?

– У меня пятнадцатиминутный перерыв.

– Хорошо, – кусаю трубочку, упираясь кулаком в подбородок.

– И что, ты серьезно, – понижает голос, – чуть не переспала с ним на улице?

– До этого бы не дошло.

– А если бы дошло?

– Слушай, я не идиотка, да и он далеко не дурак, чтобы так делать.

– Ну не знаю... обидно лишиться девственности под кустом.

– Там не было кустов.

– Какая разница, смысл ты поняла. И как ты вообще с Юликом два года провстречалась с такими загонами?

– Нормально, правда, потом он свалил...

– Я, кстати, видела его с одной матрешкой.

– Где?

– На теннисе. Такие сюси-пуси там развели.

– Пусть, у меня и без него забот по горло.

– Ага, довести парня до нервного срыва, – Полина громко смеется и, опомнившись, прикрывает рот ладонью.

– Это ответочка. Он много чего сделал, и я не намерена

позволять так с собой обращаться. Пусть подумает.

– Пошлет он тебя куда подальше, вот и все.

– Увидишь, не пошлет.

– Виталик говорит, что у твоего Кирсанова мерзкий характер. Так что, подруга, я бы на твоём месте ни в чём не была уверена.

– Он же хотел от меня бегать, пусть продолжает. Только вот не думаю, что после нашей сегодняшней беседы его устроит то, что последнее слово осталось за мной.

– Так, значит, решила давить на самолюбие?

– Решила. Ему на моё можно, почему же нельзя мне?

– Ведьма ты, Тейка.

– Не, феечка.

– Ага, вот он тебя потом и отфеечит.

– Это мы ещё посмотрим.

– Так, с тобой очень весело, но мне пора работать. Пошла я.

– Давай.

– Забегай, как будет время.

Киваю и выхожу на улицу, подставляя лицо под такие жаркие солнечные лучи. В городе сумасшедшая духота, и так уже вторую неделю.

Может быть, я и перегнула слегка, но ему полезно, в тысячный раз убеждаю себя в правильности принятого решения. Честно говоря, я до конца не верила, что он сегодня ко мне подойдёт, сам. Но все же логику не согнешь. Я его цеп-

ляю, как бы он ни старался доказать мне обратное. И все это прекрасно, только вот что мне делать дальше? Ночью я смогла придумать лишь первый пункт своего грандиозного плана, а что касается второго... то это, господа, полный провал.

– Мам, ты дома? – прохожусь по гостиной и, отодвинув стеклянную дверь вбок, выхожу к бассейну.

– Дома.

Мама сидит на шезлонге в самой тени, что-то набирая на клавиатуре ноутбука.

– Я хотела поговорить.

– Давай поговорим. Что-то случилось?

– Нет. Просто... нужен совет.

– Какой?

– Личный. По поводу отношений.

– А у тебя есть отношения?

– Еще нет, но совет нужен как раз для того, чтобы были.

– Интересно, ну рассказывай.

– Короче, есть один парень, он полный придурок, но очень обаятельный!

– Начало впечатляющее...

– Подожди нагнетать, он себя ведет как полный придурок, но на самом деле – хороший. Я уверена в том, что он вбил себе в голову что-то вроде: мы не пара. Но я же вижу, что ему не пофиг. Грубит постоянно, а сам так смотрит, мам, у меня сердце в пятки сразу сваливается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.